

К 20-летию прославления святителя

Иннокентия Пензенского

Так это всё начиналось...

**Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р21-102-0032**

УДК 908 + 281.93
ББК 63.3 + 86.372 (2Рос.-4Пенз)
Т150

**Так это всё начиналось... К 20-летию прославления святителя Иннокентия
Пензенского / Редактор-составитель А. Дворжанский. Пенза, 2020. – 144 с.**

ISBN 978-5-901445-17-4

Слово к читателям

В 2000 году была издана книга “Вы с нами, архипастыри!”, которая повествует о ярком эпизоде из жизни Пензенской епархии в период её возрождения, когда в 1998 году по благословению архиепископа Пензенского и Кузнецкого Серафима (Тихонова) в сквере имени Лермонтова были обреты останки пятерых архиереев: Иннокентия (Смирнова), Афанасия (Корчанова), Амвросия (Морева), Григория (Медиоланского) и Антония (Николаевского). После взрыва собора в 1934 году это было первое большое деяние по возрождению памяти о Спасском соборе, о тех архипастырях, которые были в нём похоронены. В некотором смысле, именно тогда пензенцам вернули память о подвигах святителя и чудотворца Иннокентия, что стало одним из шагов к его канонизации. В ноябре 1998 года я лично участвовал в перенесении останков архипастырей из Покровского храма в сквер перед архиерейским домом и погребении их во временной могиле. Сейчас эта могила сохранилась, но там покоятся останки четырёх архиереев, поскольку епископ Иннокентий в 2000 году был канонизирован, и его святые мощи теперь находятся в Успенском кафедральном соборе.

Раскопки 1998 года стали важным событием по нескольким причинам. Во-первых, они позволили после прославления святителя Иннокентия обрести его мощи. Во-вторых, стали примером должного отношения к своим предшественникам, что очень важно для всех поколений, которые живут на земле. Чтобы не быть Иванами, не помнящими родства, нужно хорошо знать свою историю, и не просто знать, но с почтением к ней относиться. В-третьих, раскопки стали шагом к восстановлению Спасского собора. Уже через год, 2 октября 1999 года, Святейший Патриарх Алексий II во время своего визита в Пензу заложил на этом месте часовню в честь Всемилющего Спаса.

За 22 года, которые прошли со времени раскопок, у нас многое изменилось: восстановлен собор, площадь вновь стала Соборной, положено начало восстановлению Евлампиевской церкви. И я уверен, что вскоре мы станем свидетелями торжества исторической справедливости, и спустя почти сто лет всё вернется на круги своя: вновь покойные архиереи будут лежать на своём месте, где они и покоились, а мощи святителя и чудотворца Иннокентия – в Спасском кафедральном соборе. И всё это делается, в том числе, благодаря раскопкам 1998 года, которые тогда вернули нам имена наших архиереев и нашу историческую память.

Серафим,
митрополит Пензенский и Нижнеомовский

Вступление

23 октября 2020 года Пензенская епархия уже в двадцатый раз торжественно отметила годовщину прославления в лике святых епископа Иннокентия Пензенского. Быстро летит время, стирая в людской памяти подробности тех событий, которые предшествовали его канонизации. За это время на бывшей Советской площади вновь восстал из небытия Спасский кафедральный собор, и ничто уже не напоминает жителям города о том, что не так давно на его месте стоял памятник Карлу Марксу, а совсем рядом от него, в земле, покоились останки пяти пензенских архипастырей и среди них – будущего пензенского святого епископа Иннокентия (Смирнова).

В далёком уже от нас 1998 году сюда пришла небольшая группа верующих людей, которая под руководством священника Владимира Ключева и по благословению архиепископа Серафима (Тихонова) на протяжении двух месяцев вела поиск захоронений пензенских иерархов, чтобы извлечь их останки и, воздавая дань уважения архипастырям, перенести их прах из неизвестных могил в более достойное место.

Одним из самых активных участников раскопок была Лариса Пустова, которая о тех днях рассказала в своей книге “Вы с нами, архипастыри!”, вышедшей в 2000 году крайне ограниченным тиражом. А 26 августа 2001 года автора не стало. Она многое не успела сделать на этой земле. Но благодаря ей мы имеем возможность перенестись на 22 года назад и вспомнить, как это всё начиналось – обретение останков нашего первого святого епископа Иннокентия и пензенских архипастырей Афанасия (Корчанова), Амвросия (Морева), Григория (Медиоланского) и Антония (Николаевского).

*Чтоб умереть – тут надобно немного:
Всего-то перестать дышать и петь.
В скупых газетных строчках некролога
Напишут, сколько не сумел успеть.*

*Чтоб умереть – тут хитрости не надо.
Всего-то – руки на груди сложить.
Два на два метра, памятник, ограда...
Как скучно! Лучше всё-таки пожить.*

*А чтобы жить – то надо жить, не трусая,
Не унывая и добро творя.
Пока жива – ко Господу молюся:
Да будет воля, Господи, Твоя!*

Л. Пустова

Царствие ей Небесное!

Лариса Пустова

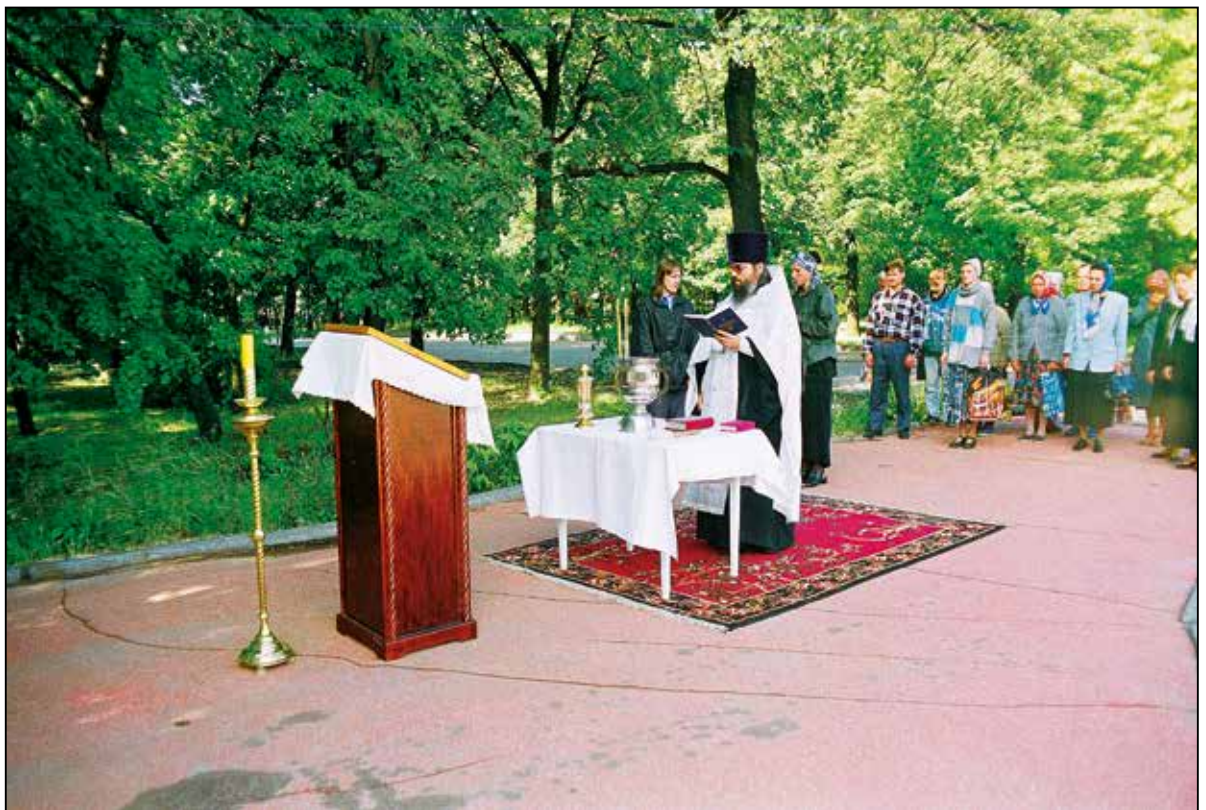
Вы с нами, архипастыри!

Летом это старинное светло-жёлтое здание с белыми колоннами по фасаду скрывается в густой зелени высоких тополей сквера. “Архиерейский дом” – такое название я слышала не раз, но не могла представить, что с ним мою судьбу свяжут необыкновенные события. Начало им было положено ясным тёплым днём конца июня 1998 года. Прихожанка церкви святых первоверховных апостолов Петра и Павла, я ещё не знала, что мне доведётся об этом написать. И вот, с Божией помощью – пишу. Всё по порядку.

Девять часов утра, 29 июня, понедельник. Улица Московская ещё малолюдна. Советская площадь и вовсе пустынна. Издалека вижу группу людей близ памятника Карлу Марксу и среди них без труда узнаю по ярко белеющей косынке из набивного шёлка заместителя председателя приходского совета нашей церкви Ольгу Александровну Кочеткову, а отца Владимира Клюева, настоятеля, – конечно, по серебристо-белой фелони. Подхожу ближе и впервые вижу такое: прямо на асфальте расстелен ковёр, стоит аналой, подсвечник с лампадкой, на аналое – прекрасная икона “Святой Убрус”. В числе собравшихся – в основном наши прихожане. Вчера на воскресной проповеди отец Владимир позвал нас на молебен о начале работ по поиску и перезахоронению останков пяти пензенских архиереев, которые в разные годы XIX века возглавляли Пензенскую епархию, служили в Спасском кафедральном соборе и были похоронены в склепах под алтарём южного придела этого храма и в церкви, пристроенной к нему. Спасский собор в тридцатые годы нашего века разрушили до основания. Но есть надежда, что прах архипастырей остался где-то в земле, и место это – вот в этом сквере, рядом с монолитным изваянием коммунистического вождя.

Отец Владимир начинает служить молебен. Мы молимся, но ещё не знаем, что стоим как раз в центре собора, которого теперь нет. Не осознаём пока, у истоков какого события находимся, и, конечно, не ведаем, что ждёт впереди, что нам предстоит сделать. Рядом со мной – стройная хрупкая девушка, лет 18–19. Светлое лицо без намёка на косметику, которой увлекаются её сверстницы; взгляд удивительно серьёзен, спокоен, сосредоточен. Ещё не подозреваю, что с этой девушкой отныне я буду трудиться, как говорится, “в одной упряжке”.

Всё, кажется, буднично: отец Владимир раскачивает кадило, знакомые лица и голоса певчих Татьяны, Ольги и Елены. Правда, молебен под сенью цветущих лип, лёгкий ветерок, доносящий их сладковатый аромат и колышущий язычки пламени свеч, – всё это необычно. Многие из нас, молящихся, впервые слышат пять имён архиереев: Иннокентий, Афанасий, Амвросий, Григорий, Антоний. Высокопреосвященнейший Владыко Серафим, архиепископ Пензенский и Кузнецкий, благословил найти и достойно перезахоронить их останки.

Молебен перед началом раскопок. 29 июня 1998 г.

Предстояло копать землю на месте, где находился южный алтарь храма; осторожно, аккуратно работать лопатами на одном из участков теперешнего Лермонтовского сквера.

А пока – нелегко и представить, что вот тут, под этими липами и ясенями, под аллеями и скамейками, на которых пенсионеры играют в шашки и домино, а молодёжь целуется и пьёт пиво и тоник, – здесь, глубоко или нет, не знаем, – могилы людей, да не простых, не таких, как мы, а архиереев. В это даже не сразу верится: а вдруг останки перенесли куда-то ещё в те времена, когда разрушали Спасский собор? Вдруг они просто утрачены, как утрачен храм?

В архивных документах уже легендарных для нас тридцатых годов, по сведению одного из краеведов, говорилось, что в результате взрыва собора надгробные плиты были разбиты, а кости разбросаны. Речь идёт... об останках архиереев. Вот что произошло в нашем городе много лет назад. По крайней мере, два поколения выросли, не ведая, что на Советской площади когда-то стояло великолепное по своей величавости и красоте здание – Спасский кафедральный собор. Оттого и площадь называлась Соборной. А мы-то думали, что всегда была там только площадь, окаймлённая скверами.

Тех, кто помнят собор, осталось в живых единицы. Каково было им, свидетелям варварства, осознавать утрату этой святыни! Стоял прекрасный храм – и не осталось камня на камне. Их, эти камни, вывезли на строительство новых цехов велозавода. К сороковым годам на площади образовалась пустота. А ведь в своё время колокольню храма было видно за 20 километров, звон колоколов слышался в пригородных сёлах...

Историческая справка

“Кафедральный Спасский собор начат постройкою в 1800 году и окончен в 1822 году на добровольные пожертвования с помощью казны в количестве 20 тысяч рублей ассигнациями, каменный, двухэтажный, тёплый, в верхнем этаже престолы: во имя Всемилостивого Спаса и в память Успения Божией Матери; в нижнем этаже престолы: в честь и память Благовещения Пресвятой Богородицы и во имя великомученицы Екатерины; при усыпальнице преосвященного Иннокентия – престольный придел, устроенный в 1882 году во имя святых мучеников Евлампия и Евлампии”. Так повествуется в раритетной книге “Пензенская епархия: Историко-статистическое описание”. Издана она была в 1907 году редакцией тогдашних “Пензенских епархиальных ведомостей”.

Итак, 22 года строился собор, и окончательно его внутренняя отделка завершилась лишь в пятидесятых годах XIX века. А разрушен был быстро. Восстановить Спасский собор – почти невыполнимая задача. Но возможно другое – поднять из руин прах пензенских православных иерархов. Хотя бы так поправить содеянное 65 лет назад беззаконие. Кому, как ни нам, ныне живущим, на рубеже тысячелетий, в преддверии 2000-летия Рождества Христова и 200-летия Пензенской епархии (какие масштабные даты!) положить

Спасский кафедральный собор

конец попранию святых, чтобы оправдаться пред Господом за своих отцов и дедов, которые не ведали, что творят. “Яко прииде время”, – сказал Псалмопевец (Пс. 101, 14). Пришло время, и Господь позвал нас. Недостойных удостоил...

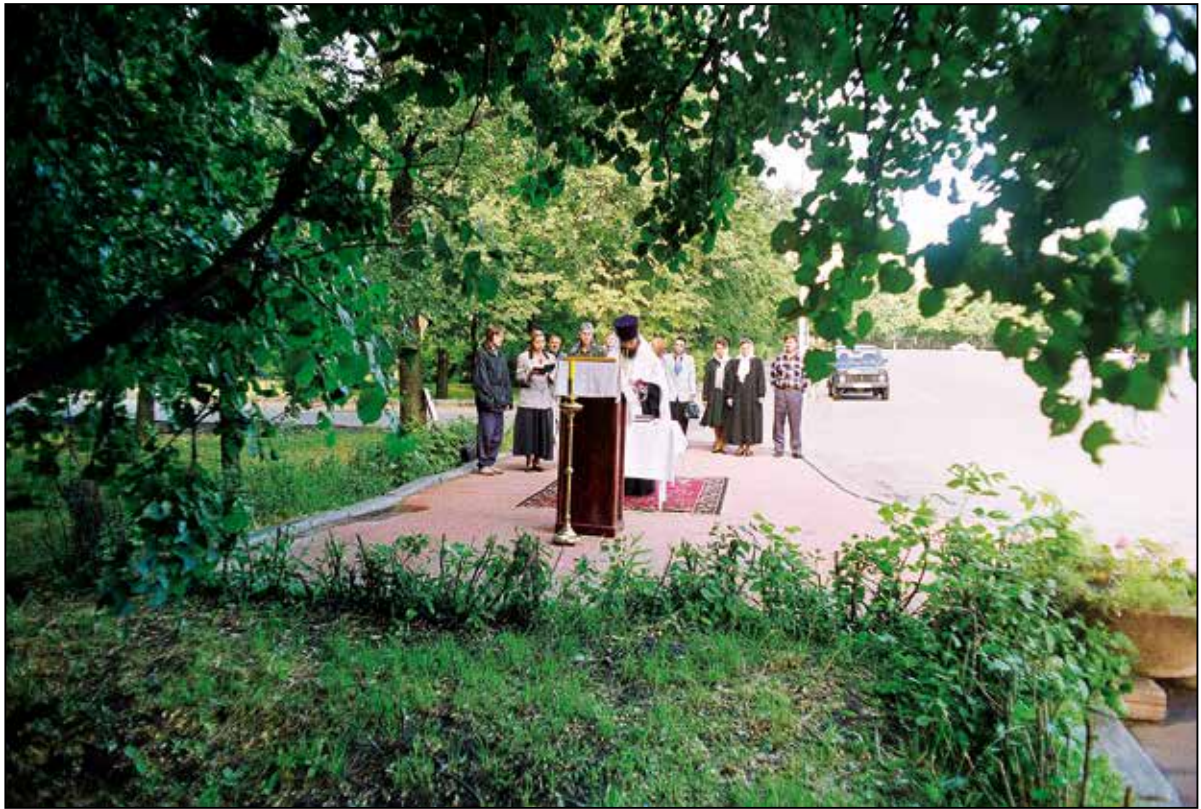
Кого же, конкретно, “нас”? По воле Божией исполнителями благодатного дела стали в основном прихожане молитвенного дома святых первоверховных апостолов Петра и Павла во главе со своим пастырем – настоятелем священником Владимиром Ключевым. Курировал работы секретарь епархии, настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Сергей Лоскутов. А общее руководство и личный контроль осуществлял, конечно же, Высокопреосвященнейший Владыка Серафим, архиепископ Пензенский и Кузнецкий, часто бывавший на месте раскопок.

Помощь в проведении поиска в верном направлении оказывал редактор журнала “Пензенские епархиальные ведомости” краевед Александр Игоревич Дворжанский. Он провёл кропотливую работу: опираясь на дореволюционные планы города Пензы, на старые фотографии, запечатлевшие Спасский кафедральный собор, и на полученный из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) чертёж Пензенского Спасского кафедрального собора с изображёнными на нём фасадом и планом, какие он имел в начале XIX века, Александр Игоревич нанёс контур собора на современный план местности. Как потом показали результаты поисковых работ, точность этого нанесения оказалась почти стопроцентной. Этому удивились даже геодезисты, которые, желая помочь, старались уточнить место расположения собора.

Но вернусь в тот летний день. Когда молебен завершился и отец Владимир окропил святой водой всех присутствующих, он скомандовал: “Ну, а теперь, кто хочет потрудиться во славу Божию, – за мной!” И работа закипела. Мужчины начали устанавливать столбы для ограждения участка сквера, где было решено вести земляные работы. Металлическая сетка и столбы из отёсанных брёвен загодя приготовили к этому дню. Женщины под руководством Ольги Александровны пошли покупать лопаты и всё необходимое для работы и устройства в Архиерейском доме, который предстояло обжить, освободить от мусора, вежливо переселить квартирующих и арендующих в нём помещения художников, предпринимателей, их мастерские. Одним словом, предстояло стать полноправными хозяевами в Архиерейском доме, который официально был возвращён Пензенской епархии годом ранее.

Пока лопаты не были куплены, прихожане буквально вырывали друг у друга имевшиеся две-три лопаты: каждый хотел хоть немного покопать, хотя бы ямку одну выкопать под столб ограждения. “Это же благодать!” – многозначительно повторяли пожилые прихожанки.

В этот день и на следующий ограждение было полностью сделано. Женщины навели порядок в нескольких комнатах и устроили в них трапезную (или, по-мирски, столовую), молитвенную комнату (она же служила кабинетом для отца Владимира) и комнаты для переодевания и хранения инвентаря. Еду привозили пока что из молитвенного дома. Кормили всех, кто доброволь-

Молебен и освящение места перед началом раскопок. 29 июня 1998 г.

Освящение места раскопок и устройство ограждения. 29 июня 1998 г.

но приходил помогать. В алтарь Петропавловской церкви начали ежедневно подавать записки с именами работавших, и священники за богослужением поминали их “о здравии”.

Не будучи всё же на сто процентов уверенными в местоположении собора, решили искать фундамент или остатки стены и по ним уже добираться к месту захоронений. Первую разведочную траншею начали копать 1 июля, в среду. Она была шириной 1 метр, первоначальной длиной 10 метров (затем её продлили). Сразу же начали попадаться в земле четырёхгранные кованые гвозди, осколки стекла, обломки подков и... кости, точнее, обломки костей. Предполагая, что это, возможно, кости останков, мы очень трепетно относились к ним. Нас научили заворачивать каждую в чистый лист белой писчей бумаги, пометать, на какой глубине и у какого колышка-“пикета” найдена кость. Колышки расставили вдоль траншеи с интервалом один метр. На работу выходили всегда с фонарём-лампадой, подвешивали её на ветку дерева или на сучок, зажигали, помолясь, от свечи. Фонарь-лампада свидетельствовала прохожим, что здесь не просто какие-то “губители сквера”, даже не археологи, а тем более, не строители ларьков и не сантехники, копающие грунт под коммуникации. Дело здесь особенное. Святое дело. И те, кто это понимали, подходили к нам и помогали.

Назову поимённо, кто же это – “мы”. Это алтарники и рабочие молитвенного дома святых первоверховных апостолов Петра и Павла Валентин, Андрей, Тимофей, Владимир, Виталий, Виктор; помощники-добровольцы Валентина, Елена, Надежда, Таисия, Юрий, Александр, пенсионеры Константин Кириллович и Борис Васильевич.

Вскоре нам привезли электрическую плиту, и 19-летняя Екатерина, назначенная поваром, приступила к своим прямым, благословленным ей обязанностям (а то хрупкая девчонка нередко копалась в траншее).

В течение первого месяца временным комендантом была прихожанка, которую, по её же просьбе, назову вымышленным именем – Евгения. Строгая, но добрая, она заставляла всех в обязательном порядке молиться перед едой и после. Когда уходили домой, крестила все двери, все замки, а проходя мимо нашей траншеи, останавливалась и молилась: “Святии архипастыри, молитесь Бога о нас”. И всегда добавляла, обращаясь ко мне и Екатерине (нам было по пути): “Девчонки, представляете ли вы, при каком событии присутствуете?..” А мы, кажется, ещё не представляли, видя только длинную глубокую канаву, в которую какие-то озорники еженощно набрасывали банок из-под пива и бутылок из-под газировки... И всё-таки что-то чистое, таинственное нет-нет и проблёскивало в сердце: они – есть, мы их должны, должны найти!..

Шли дни, количество находок и костей росло, но ничего существенного не обнаруживалось. Кости были сомнительной принадлежности. Кованых гвоздей и обломков подков набрали не один килограмм. Но – ни фундамента, ни плит, ни каких-либо предметов церковной утвари. А траншея становилась всё глубже, в длину же дошла до бордюра и упёрлась в лавочки, сидя на которых, лицезрешь Карла Маркса в профиль. В другом конце траншеи (южном), где упорно орудовал лопатой, отдыхая только в “перекур”, Константин Кирил-

лович, был обнаружен слой тонкого асфальта, – таким же покрывают современные дороги. (Асфальт был настоящий и катанный, конечно же, вручную).

Грунт оказался очень тяжёлым: битые кирпичи, бутовый камень, – это ясно говорило о том, что здесь отнюдь не всегда росли деревья и трава, а находилось большое строение. Каким оно было – об этом нам поведали люди, которые проходили ежедневно мимо или же, услышав от кого-либо о поисках останков архиереев, приходили к нам, интересовались ходом дел и рассказывали о том, что помнили или знали от своих родителей. В их рассказах оживала история этой старинной площади, места, где мы стоим. История, к которой не может остаться равнодушным тот, кто любит свой город и интересуется его прошлым, ищет свои истоки, смысл своей жизни.

Говорят очевидцы

Елизавета Александровна, 1910 года рождения, коренная жительница Пензы:

– Маленькой девочкой меня приводили в Спасский кафедральный собор причащаться. Огромный и великолепный был храм с красивым внутренним убранством. Когда собор начали ломать, жители окрестных улиц встали кругом и не позволяли к нему подойти. Конная милиция разгоняла народ. Собор взорвали ночью, когда толпа разошлась. Обломки камней потом вбивали в землю, поверхность земли разравнивали.

В 1919 году мой отец скрывал от властей двух священников в подвале нашего дома, который находился недалеко от Успенского собора (тогда – просто Мирносицкой церкви). Нам, детям, отец строго-настрого приказал не проболтаться об этом. Помню, что одного из священников звали отец Николай. Служили они в церкви, которая находилась в Городке, – это в конце улицы Пушкина. Священники скрывались у нас с месяц, потом им помогли перебраться за город. Отца всё-таки арестовывали, но отпускали...

Валерий Алексеевич Почтарёв, изобретатель, рационализатор, работник фирмы:

– Моя тётка, Курникова Надежда Ивановна, 1905 года рождения, в своё время рассказывала, что в молодости жила на улице Богданова, – а это недалеко от Спасского собора, – и хорошо помнила его. А звон колоколов храма, вспоминала она, был слышен даже в селе Бессоновке.

Пенсионер, коренной житель Пензы, не пожелавший назвать своё имя, 1913 года рождения, вспоминает, что мальчишкам разрешали подниматься на колокольню собора и даже звонить в колокола.

– Я спускался и в усыпальницу архиереев, которым все поклонялись, там всегда горели свечи. Когда Спасский собор разрушали, то населению разрешили брать для своих нужд камни и щебёнку. Один приехал на подводе и хотел увезти большой обломок колонны храма, но когда стал погружать, уронил и был придавлен...

Владимир Алексеевич Волчков, инженер по технадзору, пересказывает свидетельство своей матери Марии Николаевны Волчковой, 1922 года рождения:

– В детстве моя мама жила напротив Никольской церкви, на улице Маркса. Вспоминала, как с другими ребятами играла в прятки на развалинах Спасского собора. Позже, в 1937–1938 годах, на улице Гладкова ломали старые мельничные склады и зерновой элеватор и вывозили оттуда камни и строительный мусор на место разрушенного собора для того, чтобы заровнять поверхность земли. Там уже делалась планировка будущей Советской площади в её современном виде. Разрушенный же храм разбирали по камням и отвозили их на велозавод, где строили новые производственные цеха.

Александр Георгиевич Стульников, 1925 года рождения, бывший мастер спорта, пересказал свидетельство своей супруги Нины Григорьевны Безверховой, 1927 года рождения:

– В детстве она жила недалеко от Спасского кафедрального собора и помнит, что после взрыва среди обломков камней были разбросаны и человеческие кости. А сам я помню, как в детстве шёл из села Засечное (со стороны Терновки) в Пензу и издали видел великолепный собор...

Алексей Павлович Никонов, 1944 года рождения, гальваник:

– Я учился в школе № 4. Мои одноклассники Ларин, Петровский и Комаровский в те годы проживали в коммунальных квартирах в бывшем Архирейском доме. Помню, как рядом с памятником Марксу, чуть южнее его, стояла арка – всё, что уцелело от Спасского кафедрального собора. Вероятно, это была арка царских врат алтаря одного из приделов. Мы, мальчишки, ходили играть в футбол на площадку рядом. Она была вся усеяна битыми камнями, и мы не раз в кровь расшибали колени...

Вадим Николаевич Попов, 1926 года рождения, известный в городе коллекционер старых фотоснимков, фотолюбитель:

– Я родился и вырос в доме № 6 по улице Калинина. Это было недалеко от Спасского кафедрального собора. Вот что я помню о его разрушении. Дело было приблизительно в мае. Рано утром пришла к нам сестра моей бабушки и сказала, что ломают Спасский собор. Мы сразу собрались и пошли смотреть, я бежал впереди всех. Подбежав к Соборной площади, увидел, что вся она запружена народом. Люди возмущённо шумят, многие женщины плачут. Конная милиция пыталась разогнать людей, но никто не хотел уходить. На земле лежал шпиль с колокольни с покорёженным крестом, вонзившимся в землю (тогда ведь на площади ещё не было асфальта). Два гусеничных трактора тросами стянули шпиль в сторону от собора. Рабочие кувалдами начали разбивать его с большим трудом. Шпиль представлял собой полое сооружение, сверху окованное металлом в миллиметр толщиной, покрашенным серебряной краской, а изнутри – оранжевым суриком, от ржавчины.

Собор стоял без шпиля ещё долгое время. Но колокол ещё звонил, отбивая время с интервалом в полчаса. Звук его был низкий, басистый, слышался издали. Потом и колокол сбросили на землю, у меня есть фотоснимок: колокол лежит на площади. Он был очень большой, больше, наверно, чем в храме Христа Спасителя в Москве. Спасский собор разрушали в течение не-

Сброшенный соборный колокол и остатки собора

скольких лет. Пензенцы и негодовали, и оплакивали свой храм, являвшийся украшением города. Писали письма в Москву с настоятельными просьбами запретить разрушение собора. Но годы были суровые, с интересами народа не посчитались... Старые пензенские инженеры-строители отказались взрывать собор, мотивируя тем, что он является памятником зодчества и архитектурной ценностью. Отказались от варварского дела и простые рабочие, которые в своё время ремонтировали этот храм. Тогда власти решили привлечь силы комсомольцев и молодёжи из Союза воинствующих безбожников, как он назывался...

Позже, уже пионером, я ходил со школой № 1, где учился, на первомайскую демонстрацию. Помню, на головах у нас были “испанки”, – значит, шёл 1937 или 1938 год (не ранее), когда в Испании были фашисты и эти пилотки стали “модными”. Шествуя по Советской уже площади, где стояли праздничные трибуны, мы проходили мимо лежавшего в руинах собора. Но помню, что остатки алтарной апсиды сохранялись и в годы войны. Находилась эта руина чуть севернее того места, где вы сейчас ведёте поиск (разговор происходил 14 июля. – Л.П.), между памятником Марксу и ступеньками, ведущими на аллею.

Были у нас и “приключения”. Как-то раз один ничем не примечательный гражданин начал учить нас поиску под землёй воды и металлических предметов с помощью каких-то прутиков. И даже принёс их, начал зигзагообразно ходить по нашему участку и в местах своих остановок велел вбивать в землю колышки (обломки веток). Мы послушались... А колышки-то образовали пятиконечную звезду. Алтарник Андрей первым заметил это и расфутболил все “вешки”, а нас пристыдил: “Опомнитесь, кого послушали: это же экстрасенс, а они вместе со всякими гадалками и астрологами – от бесов!..” Не на шутку смутившись, мы молча продолжили свою работу, а когда закончили и вернулись в Архиерейский дом, сразу рассказали о случившемся Евгении. “Да, в духовном плане вы, конечно, слабы, – вздохнула она. – Запомните, кто бы ни подошёл к вам, – мысленно положите крестное знамение на этого человека и молитесь: “Отрицаюся тебе, сатана...” С этого дня Евгения провожала искателей на место работы, брала стакан со святой водой, из веточек с листьями делала импровизированную кисть, обходила кругами участок, читала – только шевелила губами – молитвы и кропила водой землю вокруг. Рассказала Ольге Александровне, и та нас утешила: “Не печальтесь. Это – духовная брань. Лучше молитесь. И помните: если лукавый подступает, значит, вы на верном пути и поиск увенчается успехом”.

Больше лозоходец не появлялся.

А через два дня после этого случая вернулся из паломнической поездки в Киево-Печерскую Лавру отец Владимир. Он был воодушевлён увиденным там, привёз священные камни из основания первого в Лавре храма во имя Успения Пресвятой Богородицы, который во время войны взорвали фашисты, и он, к сожалению, не восстановлен до сих пор. Один камень отец Владимир заложил в фундамент строящегося храма Петра и Павла, а другой положил на аналой в нашем молитвенном доме для поклонения прихожан. Но самое

главное то, что в Киево-Печерской Лавре наш батюшка надевал на голову сохранившуюся скуфию преподобного Марка-пещерника (или Марка-гробокопателя), жившего в Киево-Печерской обители 800 лет назад и копавшего своими руками пещеры для погребения почивших братьев. Отец Владимир сделал это с глубокой верой в помощь Божию и помощь преподобного Марка в наших поисках останков пензенских архипастырей. Он рассказывал, что потом к нему подходили старушки, жалуясь на головную боль, и просили прикоснуться к их головам, веря, что боли пройдут, и – правда! – исцелялись. Вот так скуфия!..

Приезд отца Владимира и его рассказы о посещении святого места ободрили нас, укрепили веру в хороший исход дела. Наши работы получили как бы новый импульс.

Следующим утешением стало посещение места наших поисков Высокопреосвященнейшим Владыкой Серафимом. Владыка осмотрел всю траншею, поинтересовался тем, какие выкопали находки. Как раз в этот день, в среду, 15-го июля, в северном конце траншеи, у самых скамеек, вернее, под ними, мы нашли кирпичную кладку. Она была неширокой. Это теперь ясно, что эта кладка принадлежала фундаменту какой-нибудь из стен внутри Спасского собора, залегала она на глубине двух метров от поверхности земли (а поверхность в этом месте немного возвышалась). “Помогай вам Бог!” – напутствовал нас архиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим.

И Бог помогал. В местных газетах же печатались о наших поисках весьма скептические заметки. Но, рассказывая о перипетиях поиска захоронений, надо отметить вот что. Судя по плану, на который А. И. Дворжанский нанёс контуром схему Спасского собора, захоронения должны были находиться под асфальтовой дорожкой, ступени которой вели к памятнику К. Марксу. Но, не будучи полностью уверенными в этом, поскольку данные документы не давали стопроцентной гарантии и точности, а также желая подстраховаться и не вскрывать асфальт сразу, чтобы не навлечь неприятностей, мы решили начать копать (вернее, так предложил Александр Игоревич) рядом с этой аллеей, внутри участка сквера, где был минимум зелёных насаждений. Таким образом, мы копали, так сказать, окружным путём, с тем, чтобы рано или поздно наткнуться на фундамент кафедрального собора и затем уже, двигаясь по южной стене собора в сторону его алтарной части, дойти до придела во имя святой великомученицы Екатерины, где располагалось захоронение трёх епископов – Иннокентия, Афанасия и Амвросия, а затем – и до фундамента пристроенной к собору церкви во имя святых мучеников Евлампия и Евлампии. Но то ли мы не смогли поглубже прокопать эту траншею из-за тяжести грунта, то ли это не было угодно Богу, но фундамента южной стены собора мы так и не нашли.

А продолжение той стены, что нашли в северной части траншеи, хотели поискать, “перешагнув” через асфальтовую аллею. Раскопали место параллельно этому краю траншеи и... ничего не нашли. Копнули ещё южнее. Опять ничего. Так мы и пришли к выводу, оказавшемуся впоследствии верным, что искомое – под асфальтом аллеи. Чтобы вскрыть асфальт, требовалось и до-

полнительное разрешение, и техника, ну, хотя бы трактор “Беларусь” с ковшом.

...Июль подошёл к концу. В один из жарких дней, когда под очередным шурфом трудились трое наших ребят-алтарников, к нам подошёл мужчина средних лет, представился внештатным корреспондентом одной из популярных местных газет (даже показал вроде бы не фальшивое удостоверение с фотокарточкой) и попросил рассказать о нашей работе. Ребята кивнули на меня как на старшую. Внештатник усадил меня на лавочку, включил диктофон... Не буду вспоминать, какие каверзные, настойчивые вопросы он задавал. Мне было отчего-то тревожно и неприятно рядом с ним. Памятуя о предупреждении Евгении, я старалась сосредоточиться на молитве (конечно, молилась не вслух). Но один вопрос отмечу, он важный. “Вы уверены, что когда найдёте (если найдёте) останки архиереев, весь город соберётся на всеобщее покаяние, и у нас в Пензе сразу же возрастёт уровень нравственности?” Как, ну как можно ответить на подобный вопрос? Я говорила, что находка останков, безусловно, будет событием для всего нашего города и области и, может быть, Бог даст, произойдёт и покаяние, пусть не всех пензенцев, но всё же многих.

Потом я просматривала каждый номер той газеты, но заметка о нашей работе, кажется, так и не вышла в свет. Сбирать же газеты с материалами о поиске останков отец Владимир вменил мне в обязанность, или, говоря не по-мирски, – благословил.

И вот наступило третье августа. В скверик въехал трактор “Беларусь” с ковшом. Этот же трактор (водитель – Михаил Васильевич Литухин) помогал в расчистке внутреннего двора Архиерейского дома. Всего два-три раза ковш зачерпнул грунт в продолжении первой разведочной траншеи с её южного конца, как зубья наткнулись на что-то твёрдое. Кирпичная кладка! Она оказалась довольно широкой – с метр – и, на первый взгляд, ровной. Надо же! Всего полтора метра отделяли Константина Кирилловича от этой находки, а он копал вглубь, не находя, кроме осколков тонкого асфальта, ничего.

Рытье продолжалось в южном направлении несколько беспорядочно: то чуть правее, то левее – хотели, если удастся, найти фундамент той церквушки-часовни, пристроенной к собору, в которой были в своё время – соответственно в 1881 и 1889 годах – захоронены двое из пяти архиереев – Григорий и Антоний 2-й. Ничего не обнаружив, сосредоточили внимание на кладке: она, возможно, и являлась, как мы предположили, остатками фундамента церкви святых Евлампия и Евлампии. Кирпичная кладка располагалась перпендикулярно линии разведочной траншеи, то есть в направлении восток – запад. Поэтому решили прокопать вдоль кладки, что и было сделано. Кладка оказалась метровой ширины, залегала на глубине 80 см от современной поверхности земли. Метрах в шести или более к востоку от траншеи кирпичная кладка под прямым углом направлялась в северную сторону. Эта находка и вдохновляла и озадачивала всех нас. Что это такое? Фундамент собора? А может быть, не собора, а как раз церкви, пристроенной к нему?..

Пятое августа было 21-м днём поисковых работ (на одну неделю мы отвлекались на расчистку двора Архиерейского дома), когда к нам приехал ар-

хиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим. Вначале Владыка ознакомился с ходом реставрационных работ на Архиерейском доме – в разгаре было укрепление фундамента, – а затем осмотрел обнаруженную нами кирпичную кладку. Удивительно, что нас от неё в течение целого месяца отделяли всего-то полтора-два метра, а мы копали совсем на другом конце траншеи. Видно, так было угодно Господу: чтобы потрудились мы, попотели, прониклись до самого сердца духовным смыслом нашей работы, чтобы все мысли и чувства наши занимало одно – поиск останков архиереев. И ведь ни один день не проходил напрасно, даже если ничего, кроме двух-трёх кованых гвоздей и глиняных черепков, не находили. Мы верили, что каждый день приближает нас к цели, к чудесному событию. Хотя порой эта вера и ослабевала, и тогда мы просто трудились, потому что нужно было трудиться.

А ещё надо было торопиться: если до конца лета, до холодов, до дождей не найдём, – неужели всё бросать под снег, потом ждать весны, снова копать? Нет, надо было спешить. Отец Владимир постоянно обо всём хлопотал. Кладку нашли – теперь нужен уже большой экскаватор, чтобы выкопать площадку вдоль обнаруженного участка кладки и уже внутри неё осторожно повести поиск снова с помощью лопат. Экскаваторщик Владимир Иванович Ревунов выполнил эту задачу насколько мог виртуозно: ни деревьев не повредил, ни кабель освещения аллеи не задел огромным ковшем своей сильной машины. Правда, пришлось вскрывать асфальт. Перенесли сетку ограждения. Аллею, на которую вели несколько ступенек от памятника Марксу, раскопали. Лавочки, на которых отдыхали горожане, перенесли в другое место. Образовалась выкопанная наподобие небольшого котлована площадка метровой глубины и площадью примерно шесть с половиной на четыре с половиной метра, с южной стороны ограниченная кирпичной кладкой, которую расчистили так, что обозначилась ровная – кирпич к кирпичу – стенка.

Уже знакомые нам местные жители, а также сотрудники краеведческого музея, которые с первых дней с интересом следили за поиском, видя, что наши дела продвинулись, радовались и подбадривали нас.

Особенно интересовало, конечно, место поворота кладки к северу. Там было нелегко расчищать вручную: экскаватор оставил гору земли. Но потихонечку, в течение нескольких дней, всё же извлекли продолжение кладки. Оказалось, что там она расширяется. Затем показалось какое-то закругление. Неужели алтарная часть? Ещё денёк – появилась как бы дуга, выложенная из кирпича, а внутри неё – асфальтовый пол с остатками жёлтой охры, которой он, очевидно, был покрашен в своё время. Слои асфальта были тонкими, не таким, какой делают сейчас. Это было уже весьма интересно. Без сомнения, перед нами – алтарная часть. Только вот радиус воображаемой окружности, частью которой являлась дуга из кирпичной кладки, явно маловат для алтаря огромного Спасского собора: между концами дуги всего четыре метра. А тут ещё, после более внимательного рассматривания места кладки, которое нашли третьего августа, заметили, что она тоже идёт на закругление, и оно – там, дальше, под землёй. Что же это такое? Отец Владимир определил: это церковь во имя святых мучеников Евлампия и Евлампии. Это её фунда-

мент мы откопали, а не фундамент собора. Мы оказались внутри этой церкви. Значит, собор ближе к памятнику К. Марксу, более того, памятник, согласно имеющемуся плану, стоит внутри его северного придела. Центр же придела во имя великомученицы Екатерины – где-то в середине участка скверика, рядом с нашей траншеей.

Много старинных фотографий мы видели. Их приносили коллекционеры Юрий Михайлович Тимаков, сам принимавший участие в раскопках, посвятивший этому чуть ли не весь свой отпуск, и Вадим Николаевич Попов – известный в нашем городе фотолобитель, чьи воспоминания приведены выше. Почему-то ни на одной из показанных нам фотографий не просматривается пристроенная к собору церковь во имя святых мучеников Евлампия и Евлампии. Но теперь-то мы её точно нашли. А раз так, то цель уже близка. Не так уж велика площадь церквушки, чтобы не найти, где расположены склепы с гробами архиереев Григория и Антония.

В начале июля нас отснял местный телеканал. Тогда мы ещё находились в состоянии эйфории: радовались каждому крючку и гвоздю, каждому обломку кости, наивно полагая, что уже находим “разбросанные” останки архиереев. В конце августа снова нагрянул телеканал и... показал нас на всю область весьма неприглядно: мол, вот, ищут, а в траншее у них всякий мусор. Да, увлекшись расчисткой фундамента церкви святых Евлампия и Евлампии, мы совсем забросили свою первую разведочную траншею. А оказалось, в неё накидали пустых бутылок и банок, бумажек и арбузных корок. Кто? Да кто их знает? “Враг не дремлет”, – говорит в подобных случаях отец Владимир. Враг – это, конечно, лукавый, который движет рукою хулигана-мальчишки, а не сам этот мальчишка.

День за днём мы расчищали площадку на территории церкви, надеясь найти остатки надгробного памятника. Однако безрезультатно. Мы, что греха таить, приуныли. Август уже подошёл к концу. Слава Богу, погода ещё стояла сухая.

Наступил праздник Успения Пресвятой Богородицы. Сорок пятый день поисковых работ. Пятница. Со звоном колоколов, доносящимся от Покровского храма, начали мы свой трудовой день, обычный, казалось бы. Долетающий до слуха благовест радовал, придавал сил, уверенности, улучшал настроение. Шли часы, солнце повернуло на закат (дни уже стали недлинными), а у нас не было никаких результатов. И отец Владимир по причине праздничного богослужения весь день не появлялся. Но в начале пятого пополудни, наконец, приехал. Настроение его было какое-то особенно решительное, приподнятое, уверенное, деловое. Он сразу растормошил нас: “Сегодня вы не уйдете отсюда, пока мы не сделаем находку. А находка обязательно должна быть. Ведь сегодня большой праздник. Пресвятая Богородица непременно поможет нам... А завтра тоже праздник... – в эти минуты Покровская зазвонила к всеобщей. – Слышите? Завтра – Перенесение Нерукотворенного Образа Господа нашего Иисуса Христа из Едессы в Константинополь, или, как в народе говорят, Третий Спас. Помните, какая икона лежала на аналое, когда мы служили самый первый молебен о начале наших работ? Святой Убрус, или Спас Неру-

Кружком обведена церковь во имя свв. мчч. Евлампия и Евлампии

котворный. А о преподобном Марке-гробокопателе из Киево-Печерской Лавры не забыли? Недаром я надевал себе на голову на несколько секунд скуфию преподобного. Во время подвижнической жизни Марка-пещерника состоялось перенесение честных мощей святого Феодосия Печерского, который был одним из основателей Лавры, из пещеры в великую церковь Успения Пресвятой Богородицы – тот самый храм, из основания которого в нашем молитвенном доме лежит на аналое священный камень. Так вот, память об этом событии отмечается Православной Церковью за день до праздника Успения, 27 августа. Понимаете ли, как чудесным образом совпадают три больших праздника? Значит, молитвы ко Господу уже услышаны. Мы обязательно сейчас должны что-нибудь найти...”

Отец Владимир, как бы что-то рассматривая на земле, прошёлся по площадке, остановился и указал пальцем вниз: “Здесь! В этом месте копайте. Скорее...”

Должна отметить, что в это время у нас в Архиерейском доме уже складывалась бригада рабочих по его восстановлению. А пока они с воодушевлением занимались поиском останков. В этот день им помогал доброволец Владимир Романов. После слов отца Владимира все дружно взялись за лопаты. И что же? Углубились всего на “штык” и наткнулись на кирпичную кладку, которая шла ниже уровня “основной” и перпендикулярно к ней. Тут и отец Владимир взял в руки лопату и вдвоём с Алексеем Глебовым стал осторожно расчищать край обнаруженной кладки.

И вдруг лопаты вошли в пустоту. Послышался шорох сыпавшейся куда-то земли и тихий всплеск: струйки земли падали... в воду! Все замерли, затаили дыхание. Отец Владимир заговорил шёпотом, веля действовать крайне осторожно. Тихонько, руками, откинули тонкий слой земли, под которым лежал кусок ржавого железа. Его отодвинули и увидели небольшое отверстие, проломленное в кирпичном своде. Свод уходил вниз. Через отверстие просматривалось пространство, заполненное водой, на поверхности которой плавали тёмные предметы.

Сбегали за фонариком, потому что уже вечерело, августовское солнце опустилось низко за деревья сквера. Алексей Глебов лёг ничком на землю возле самого пролома и осветил фонариком внутрь. Оказалось, что подземное пространство тянется метра на два в длину и чуть больше метра в ширину. Откуда взялась вода? То ли скопилась дождевая, то ли грунтовые воды. Но не этот вопрос волновал в эту минуту. А то, что это, возможно, склеп, в котором должны находиться останки одного из архипастырей, – вот что было самым главным. Лопатой поддели плавающий на поверхности предмет. Им оказалась длинная почерневшая полусгнившая доска. Затем достали вторую, третью. На одной из досок заметили прилипшие к ней остатки ткани темно-лилового цвета (это “архиерейский” цвет!). Отец Владимир попросил перерубить эту доску, чтобы показать Владыке кусок доски с остатками ткани. На срубе древесина оказалась светлой, чуть ли не свежей, совсем не тронутой гниением. Положили кусок доски в чистое полотенце. Отец Владимир нюхал, не пахнет ли миром, давал понюхать и нам. “Это сосна”, – определил Влади-

мир Романов. Никому не отдавая поддержку, отец Владимир носил находку на вытянутых руках и всё повторял радостно и взволнованно: “Я же говорил, что преподобный Марк-пещерник нам поможет...”

Это были, безусловно, доски от гроба. Алексей Глебов определил это, внимательно рассмотрев их. Столяр по роду занятий, он не раз сколачивал домовины.

Солнце зашло. Рабочий день давно закончился, но об этом забыли. Не было речи о том, чтобы отдыхать в предстоящие субботу и воскресенье. Какие могли быть выходные? Два месяца упорных работ, ошибочные шаги, сомнения в точности места поиска (но только не в его успехе!) наконец увенчались первой удачей. Почти целый месяц мы ходили по этому месту, уже раскопанному, а “тыкали” всё время мимо.

Доски бережно перенесли в Архиерейский дом. Пролом в склепе – а это был именно пролом, сделанный, вероятно, в дни разрушения Спасского собора – заботливо замаскировали, чтобы он не привлёк постороннего внимания. От радости хотелось всем проходящим мимо объявить о необычайной находке. Но отец Владимир строго приказал молчать и не обращать внимание на любопытствующих.

На следующий день, 29 августа, в субботу, на работу вышли не только сами искатели. Приехали заместитель председателя приходского совета церкви Петра и Павла Ольга Александровна, редактор журнала “Пензенские епархиальные ведомости” А. И. Дворжанский и сотрудник органов безопасности. Ольга Александровна находилась в это время в отпуске, занимаясь накопившимися домашними делами. Но попросила ради Бога звонить ей и сообщать о находках. “Зовите меня, и я во что бы то ни стало приеду. Ведь это же благодать, понимаете?” – убеждала она.

Перво-наперво была вызвана пожарная бригада с машиной, оборудованной гидроэлеватором, или, проще сказать, мощным насосом. Только с его помощью можно было быстро откачать воду из склепа. Пожарные хорошо справились со своим привычным делом. Откачиваемая вода выливалась на газон, в траву и под деревья. И едва ста-

Первый склеп

Останки епископа Григория

Очистка первого склепа. 29 августа 1998 г.

Очистка первого склепа. 29 августа 1998 г.

Григорий (Медиоланский)

ло видно “дно” склепа, как взорам присутствующих предстал человеческий остов – череп и другие кости скелета. Сколько же лет он лежал под водой?! Было не до эмоций, не до потрясения. Алексей Глебов смело спустился в склеп через пролом (глубина оказалась почти в рост человека) и начал доставать косточку за косточкой. Стоявшие наверху осторожно принимали из рук Алексея священный прах, охапки полуистлевшей ткани – мокрой, перепачканной землёй – и бережно складывали на приготовленные для этого листы картона. Не оказалось при останках ни архиерейской митры и посоха, ни каких-либо ещё драгоценных предметов: видно, разграбили могилу архипастыря варвары нашего века.

Кому принадлежали эти останки? Нам было уже известно, что епископ Григорий (Медиоланский) управлял Пензенской епархией с 1868 по 1881 годы (до своей кончины), а епископ Антоний 2-й (Николаевский) – с 1881 по 1889 год, также по год своей кончины. Была найдена монетка 1874 года, что подтверждало, что это действительно склеп одного из них.

В воскресенье, 30 августа, Владимир Романов руками перебирал извлечённый из склепа мусор, землю и нашёл два нательных крестика. Один обыкновенный, другой – с выбитой на нём датой – “1868”. “Это останки епископа Григория (Медиоланского), – сделал вывод отец Владимир. – Григорий стал епископом как раз в 1868 году. Может быть, эту дату он попросил поставить на новом крестике, который заказал сделать...”

Останки промыли водой, простирали все лоскутки, оставшиеся от архиерейского облачения. Этим занимались Ольга Александровна, Екатерина и две старшеклассницы, вызвавшиеся помогать: дочь одного из исследователей подземных лабиринтов Пензы А. Шибаева – Наташа и её подруга Катя.

Для сохранности, на время, отец Владимир отвёз череп епископа к себе домой.

Остатков облачения было довольно много, их разложили в помещении Архиерейского дома на листах картона для просыхания. Через день-два проступил первоначальный цвет этой плотной шёлковой ткани – густо-зелёный и коричневый. Стали заметны серебристые нити, нашивки. Неплохо сохранился расшитый пояс, сумка для мощей, палица, а также пуговицы от облачения. Отдельно отложили два зуба и палец, не раздробившийся на косточки фаланг. Кто знает, может, именно этот перст складывался с другими для крестного знамения, для благословения?..

Ещё 29-го, когда доставали останки, пошёл дождь. Не слишком сильный, чтобы оставлять работу, но такой, что гуляющих по скверу было мало, и это – к лучшему: любопытные были нежелательны. А 31-го августа, в поне-

Первые находки

дельник, в последний день лета, промчавшегося как “день един”, дождь полил как из ведра с пяти часов утра. И когда мы пришли на работу, увидели, что наша поисковая площадка превратилась в озеро, и поди, догадайся, что на дне этого озера – склеп. Теперь уже совсем пустой, если не брать во внимание воду, снова заполнившую его. Больше не страшна вода праху епископа Григория.

Первого сентября дождь прекратился, давая возможность ребятам отпраздновать начало нового учебного года. Нас же целиком занимала наша работа. Вода ушла опять внутрь склепа, но это было уже не страшно. Рабочие до подхода экскаватора решили покопать вручную – так возрос их энтузиазм, и нетерпение, и жажда дальнейших находок. Экскаватором нужно было срыть асфальт аллеи дальше, в северном направлении, чтобы облегчить поиск второго склепа, который, по всей вероятности, находился совсем рядом.

Во втором склепе должны быть – это уже определённо – останки епископа Антония 2-го (Николаевского).

Пролом в своде второго склепа

Второй склеп

Рабочие споро взялись за дело. И опять-таки Алексей Глебов (ну и везло же ему!) откопал метрах в двух севернее склепа епископа Григория оправу от архиерейской панагии, с цепочкой. Форма цепочки удивила нас: абсолютно такая же, как в наши дни у наперсных крестов большинства священников. находка была зеленоватого цвета от коррозии. Самой панагии не было. В оправе сохранились два маленьких зелёных камушка. Эта находка послужила верным предзнаменованием дальнейших результатов и ориентиром, что копать надо именно здесь.

После обеда земля просохла, приехал на своём экскаваторе В. И. Ревунов и стал копать от места, где нашли оправу панагии. Тут пришлось-таки потревожить зелёные насаждения: спилили два дерева, которые росли на пути продвижения экскаватора. Очень скоро ковш поддел металличе-

Откачивание воды из второго склепа. 1 сентября 1998 г.

скую пластину, похожую на ту, что прикрывала пролом в первом склепе. Стоп! Дальше – осторожно, руками... Второй склеп обнаружен! Он оказался также проломленным и заполненным водой. Снова вызвали бригаду пожарных из городской пожарной части № 3, как в первый раз. Приехала смена командира Александра Васильевича Перевертенья. Снова в ход был пущен гидроэлеватор. С головой занятые склепом, мы и не заметили, как наши помощники отъехали, а мы им даже и “спасибо” не сказали...

Вода была выкачана, но склеп оказался полным мусора и грязи. Вёдрами вычерпывали эту грязь. Вёдра из склепа на поверхность вытаскивали верёвками. Просматривали и прощупывали палочками содержимое каждого ведра – вдруг попадёт-

Откачивание воды из второго склепа. 1 сентября 1998 г.

ся что-нибудь ценное, и может быть, косточка. И находили: пуговицы от облачения, куски ткани, а также мелкие кости останков. Но первое, что было извлечено из второго склепа, – проржавевший металлический ломик – варварское орудие поругания святой могилы.

Интересными были такие находки, как кипарисовый наперсный крест с распятием на одной стороне и барельефом Богородицы на другой; расколотый на части перламутровый крест с распятием. Отец Владимир объяснил, что этот крест, вероятно, был приклеен к деревянному основанию и вложен в руку усопшего архиерея. Нашли часть тонкой дощечки с прилипшими к ней прядями волос, – это была, возможно, обложка Евангелия, которое положили на грудь епископу, волосы же – от его бороды.

Удивили всех сапоги из хорошо сохранившейся кожи, только расползшиеся по швам и с расслоившимися подмётками. Сапоги уже ясно свидетельствовали, что хозяин их – последний из погребённых здесь епископов, по времени самый близкий нам Антоний 2-й.

Наконец начали извлекать кости скелета. В уже приготовленных двух вёдрах с чистой водой кости сразу же отмывали от многолетней грязи и складывали на листы картона.

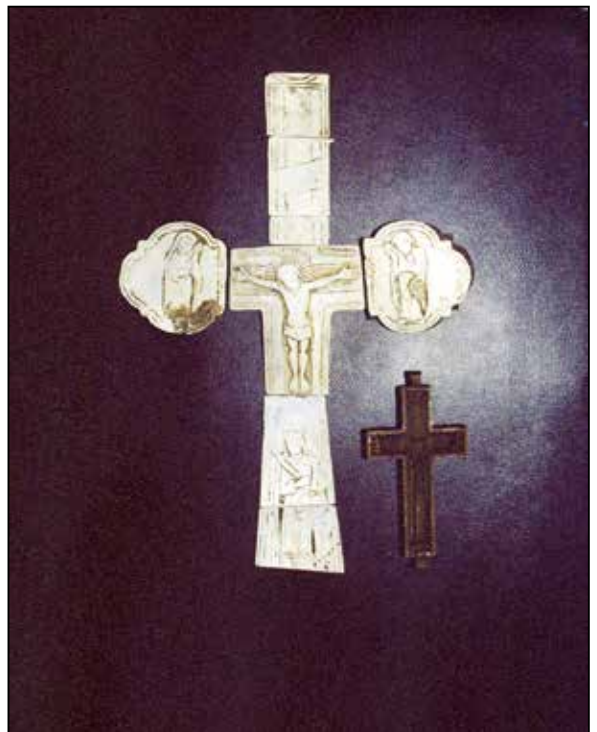
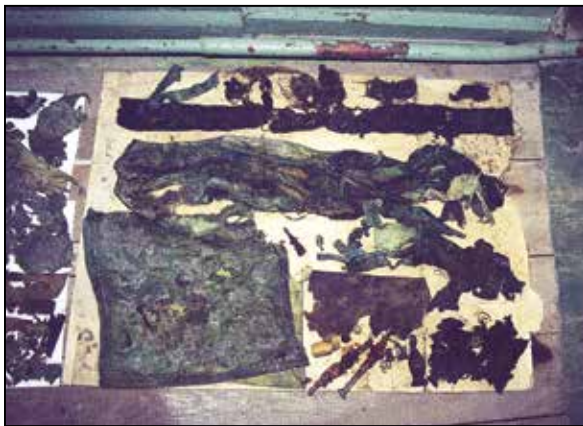
Напомню, что это было первого сентября. Несмотря на пасмурную, прохладную погоду, ближе к вечеру, в самый разгар нашей работы, сквер заполнили празднующие День знаний школьники всех возрастов и студенты. Нашу площадку просто-таки окружила со всех сторон любопытная молодёжь. Хорошо, что нашим работникам помогали давние испытанные добровольцы, такие, как Константин Кириллович. Его попросили следить, чтобы никто не подходил к останкам.

Антоний 2-й (Николаевский)

Расчистка второго склепа. 1 сентября 1998 г.

Останки епископа Антония 2-го. 1 сентября 1998 г.

Среди костей нашли и нижнюю челюсть. А череп всё не попадался, это даже встревожило. Но, наконец, череп епископа Антония извлекли на свет Божий.

Останки принесли в Архиерейский дом. Теперь вам, дорогие пастыри Григорий и Антоний, будет сухо и тепло.

А душа ещё болит: где святитель Иннокентий, а с ним епископы Афанасий и Амвросий? Теперь вас мы должны освободить из плена осквернённых могил и дать достойный покой.

Второго сентября наши работники Алексей, Вячеслав, Александр, Сергей и доброволец Владимир приводили в порядок территорию раскопок: очищали от вылитой грязи, мусора, распиливали поваленные деревья и складывали в штабеля брёвна, убрали в кучу ветки, а также переставляли ограждение, продвигая его севернее. Теперь уже было ясно, что дальнейший поиск не станет затруднительным. Ведь, согласно историческим источникам, северные двери пристроенной к собору церкви являлись входом под арку, ведущую к гробу святителя Иннокентия. Значит, от места захоронения епископа Антония это совсем недалеко. Надо прокопать ещё чуть-чуть на север, к ступенькам, ведущим к памятнику К. Марксу.

Екатерина и я в этот день ещё раз промывали чистой водой останки епископа Антония. Его череп отец Владимир также отвёз к себе домой. Теперь у него дома находились два черепа – на время, пока не будут найдены останки всех пяти архиереев и для них не изготовят гробы или временные ящики. Затем мы разложили останки двух епископов на постеленную на полу чистую бумагу. Простите нас, дорогие архипастыри, это – пока. Это, как говорится, по-походному. Потерпите.

Наступил пятидесятый день наших работ – четверг, 3 сентября. С утра В. И. Ревунов на своём экскаваторе приступил к раскапыванию площадки севернее предыдущей. Спилили ещё два дерева. Вдруг зубья ковша наткнулись на что-то твёрдое. Это был большой белый камень. Начали откапывать его лопатами – показалась глыба в форме прямоугольной призмы длиной более метра и со сторонами квадратов оснований по полметра. Под этим камнем в беспорядке лежали... человеческие кости! Их можно было доставать, просовывая руку под глыбу: там была мягкая земля вперемешку с песком...

Нашли... Это, безусловно, останки архиереев, которые были захоронены под алтарём придела во имя святой великомученицы Екатерины. Это останки Иннокентия (Смирнова), Афанасия (Корчанова) и Амвросия (Морева). В каком же ужасном они состоянии! Так, значит, эта белая глыба – разбитый надгробный памятник. Куски белого мрамора облицовки попадались в земле то тут, то там.

Кости, извлекаемые из-под камня, были сухими, многие повреждены, отломаны, нецелые. Остатки облачений тоже сухие, но очень ветхие. На многих кусочках ткани сохранились золотые нити. А как явствует из старых источников, святителя Иннокентия, например, похоронили в роскошном облачении, расшитом золотым шитьём. Неужели эти лоскуточки от его облачения?

Кости аккуратно складывали на лист картона. Среди фрагментов оказались две нижние челюсти. На одной из них сохранилось несколько зубов, а на

Третий склеп. 3 сентября 1998 г.

другой – все шестнадцать, белых, целых, даже поблёскивающих на свету как алмазная грань. Эта челюсть, конечно, вызвала у всех интерес. Предположения оказались единодушными: кому, как не почившему в молодом возрасте (35 лет) епископу Иннокентию может принадлежать эта челюсть с такими белыми, чистыми зубами. Афанасий и Амвросий скончались пожилыми, вряд ли у них сохранились зубы в таком же хорошем состоянии.

С помощью экскаватора тяжёлый надгробный камень был отвален в сторону. Работники стали внимательнее рассматривать каждую пригоршню земли под ним. И нашли эмаль панагии с хорошо сохранившимся цветным изображением Спасителя, крест, инкрустированный камушками, кипарисовый крест, частичку от украшения митры, фрагмент панагии в виде императорской короны, тоже с камушками. Всё это отец Владимир завернул в чистую ткань и взял сохранить.

Снова заработал экскаватор: расширил и углубил площадку поиска. Ребята взяли лопаты, но потребовался лишь строительный мастерок, а затем – ладони. Из-под земли показались контуры кирпичной кладки в форме квадрата площадью три на три метра. Внутри этот квадрат был разделён перегородками, выложенными также из кирпичей, на три, примерно равных по площади, отделения. Если стать лицом к алтарю собора, то крайнее правое отделение было немного приподнято.

Так это же захоронение трёх архиереев – Иннокентия, Афанасия и Амвросия! Теперь – исключительное внимание и аккуратность. Каждым отделением занялись по два человека. Приготовили три куска картона и пометили на них: “Правый южный”, “Центральный”, “Левый северный”. Это означало, что если смотреть на воображаемый алтарь южного придела во имя святой великомученицы Екатерины, – а найденное захоронение находилось именно в нём, – то в правом “отсеке” (к югу) должен был стоять гроб с телом святителя Иннокентия, которого первым по времени похоронили в этом склепе. И, как сказано выше, этот “отсек” немного возвышался над двумя другими: телу святителя отвели особое место. В центре, вероятно, стоял гроб с телом епископа Афанасия, который умер после Иннокентия и был положен рядом. Наконец, спустя без малого 20 лет после Афанасия отошёл в вечность епископ Амвросий. Его место оказалось слева, а слева – значит, с северной стороны.

Несмотря на крапывающий дождик, всем было жарко в буквальном смысле. Ежеминутно, если не ежесекундно, надо было принимать из рук ребят, превратившихся в настоящих археологов, то кость, то щепку от доски гроба, то куски ткани облачений, то ещё какой-нибудь предмет из могилы. Посторонних разговоров не было, только слышалось: “Из левого... из правого... из центрального... не перепутай...”

Когда, наконец, передохнули, увидели, что захоронение находится всего метрах в трёх восточнее линии нашей траншеи, которую мы прокопали в первые дни работы. Кто мог знать? Только Господь. Святыня не открывается сразу. Не даётся в руки первому попавшемуся человеку. Все мы – грешные, все – “первые попавшиеся”. Но Господь нас испытывал, вёл, укреплял в течение этих двух месяцев. Некоторые отсеялись, среди них оказались даже алтарни-

Архиерейские останки из третьего склепа. 3 сентября 1998 г.

ки церкви. Зато пришли новые силы, точнее, Господь их привёл, хотя кому-то эти люди могли, на первый взгляд, показаться недостойными такого святого дела. Но Господь лучше нас знает о нас и о том, что мы можем и должны сделать в своей земной жизни. Итак, Он вёл нас и привёл к цели. И во многом вразумил, о многом заставил задуматься. Мы никогда не узнаем, как звали тех, кто взрывал и разрушал храм, взламывал священные склепы, ограбил останки наших иерархов. Но нам в голову не приходило осуждать, проклинать их – мы просто не думали об этом. Просто – искали, копали, надеялись, верили. Видя, что город совсем не бросился на помощь, а пришли всего единицы, поняли: если не мы, то кто же? И это было вовсе не честлюбивое рассуждение. Какая честь, какая слава, если ежедневно кто-нибудь да укорял нас, проходя мимо по аллее, приблизительно такими словами: “Исковеркали сквер, а ради чего? Кого-то перезахоронить хотят. К чему тревожить

Афанасий (Корчанов)

Амвросий 2-й (Морев)

Иннокентий (Смирнов)

прах? Пусть себе лежат”. Или: “Людам зарплат и пенсий не платят, а тут вздумали храмы восстанавливать, архиереев выкапывать – кому это нужно?” На такие вопросы отвечать этим людям было всё равно, что, как сказано в Евангелии, “метать бисер” перед известными домашними животными, прости меня, Господи! Поэтому в подобных случаях приходилось просто молчать и не слушать этих прохожих. “...Яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих...” (Пс. 37, 14).

Слава Богу, не все были такими. Светлое воспоминание оставила во мне 88-летняя Елизавета Александровна, чьи воспоминания приведены здесь. Она частенько проходила мимо с авоськой в магазин “Свежий хлеб” и всегда интересовалась, что новенького мы нашли. “Ох, жалко мне вас, – качала головой старушка. – Вас так мало, никто не помогает искать. Дай вам Бог найти их...”

А не то первого, не то третьего (да, кажется, всё-таки третьего) сентября бабушка Лиза тоже шла мимо наших раскопок. Увидев её, я радостно бросилась навстречу: “Тетя Лиза! Нашли! Смотрите – вот останки. Всех теперь нашли...” – и мы с ней обнялись, поцеловались и, кажется, даже всплакнули. “Слава Богу! Как я рада за вас!..” – растроганно повторяла старушка, в чьей далёкой памяти белокаменным чудом запечатлелся великолепный Спасский собор.

Да, с помощью Божией нашли останки всех пяти архиереев. Правда, ещё предстояло определять принадлежность костей останкам каждого из трёх последних. Но главное – отыскали, достали из-под земли!

В течение считанных дней – от праздника Успения Пресвятой Богородицы до дня отдания этого двенадцатого праздника – состоялись одна за другой все находки.

Четвёртого сентября отец Владимир отслужил благодарственный молебен в честь успешного окончания поиска останков – на том же самом месте, что

г. Пенза

Слава Богу! Труды увековечены обнаружением
останков бывших иезуитских 3 сентября 1998г.
2.Х. 1998г. + Архисп. Сергеев
АКТ № 3

Обнаружения склепа и извлечения из него останков Пензенских епископов: Иннокентия (Смирнова), скончавшегося 10 октября 1819г., Афанасия (Корчанова), скончавшегося 24 декабря 1825г., Амвросия (Морева), скончавшегося 15 октября 1854г.

По благословению Высокопреосвященнейшего Владыки Серафима Архиепископа Пензенского и Кузнецкого, под руководством настоятеля молитвенного дома св. первоверховных апостолов Петра и Павла священника Владимира Ключева, были проведены поисковые работы по обнаружению захоронений Пензенских архиереев в сквере на Советской площади на месте бывшего Спасского Кафедрального Собора г. Пензы.

3 сентября 1998г. в 10.00 в южном приделе собора в честь св. Великомученицы Екатерины, в центре алтарной части обнаружен разрушенный кирпичный склеп. Стены склепа уцелели на высоте 0,4 метра. Склеп в форме квадрата 2,3 x 2,3 метра, разделен двумя кирпичными перегородками внутри. На поверхности склепа лежит надгробный камень из гипса и множество осколков белого мрамора бывшего памятника.

Пол в южной стороне склепа выше отметки пола в северной стороне и центре на 0,15м. По стене склепа можно видеть, что северная часть склепа пристраивалась к южной стороне.

Из склепа извлечены останки Пензенских епископов: Иннокентия (Смирнова), Афанасия (Корчанова), Амвросия (Морева).

Кости сохранились не полностью, только некоторые их части.

В склепе обнаружено истлевшее архиерейское облачение, часть досок гроба, архиерейский крест, на котором имеется дата «1821»(год). Крест найден на дне склепа в северной крайней его части.

Обнаружение склепа и извлечение останков Пензенских епископов: Иннокентия (Смирнова), Афанасия (Корчанова), Амвросия (Морева) произведено в присутствии:

- 1) настоятеля молитвенного дома святых первоверховных апостолов Петра и Павла иерея Владимира Ключева;
- 2) зам. председателя приходского совета молитвенного дома Кочетковой Ольги Александровны, 1949г. рождения, проживающей по адресу: ул. Ухтомского, 3, кв. 39;
- 3) коменданта архиерейского дома Соколовой Екатерины Сергеевны, 1979г. рождения, проживающей по адресу: ул. Кронштадтская, 1, кв. 107;
- 4) инженера по техническому надзору Волчкова Владимира Алексеевича, 1954г. рождения, проживающего по адресу: ул. Чкалова, 7, кв. 48;

- 5) члена клуба «Лабиринт» Савостина Дмитрия Геннадьевича, 1962г. рождения, проживающего по адресу: ул. Рахманинова, 26, кв. 48;
- 6) редактора журнала «Пензенские епархиальные ведомости» Дворжанского Александра Игоревича, 1950г. рождения, проживающего по адресу: ул. Калинина, 84, кв. 84;
- 7) корреспондента церкви Петра и Павла Пустовой Ларисы Александровны, 1958г. рождения, проживающей по адресу: ул. Ульяновская, 62, кв. 4;
- 8) рабочего церкви Петра и Павла Глебова Алексея Николаевича, 1958г. рождения, проживающего по адресу: ул. Бородина, 19, кв. 25;
- 9) рабочего церкви Петра и Павла Хромова Вячеслава Петровича, 1977г. рождения, проживающего по адресу: Веселовка, ул. Энгельса, 23;
- 10) рабочего церкви Петра и Павла Пустова Сергея Николаевича, 1960г. рождения, проживающего по адресу: ул. Ульяновская, 62, кв. 4;
- 11) водителя Хромова Сергея Петровича, 1972г. рождения, проживающего по адресу: Веселовка, ул. Энгельса, 23

Подписи:

Сергей В. Ключев

Кочеткова О. А.

Соколова Е.С.

Волчков В.А.

Савостин Д.Г.

Пустова Л.А.

Глебов А.Н.

Хромов В.П.

Пустов С.Н.

Хромов С.П.

Дворжанский А.И.

Св. св. В. Ключев

Кочеткова

Соколова

[Handwritten signature]

Пустов

[Handwritten signature]

Пустов

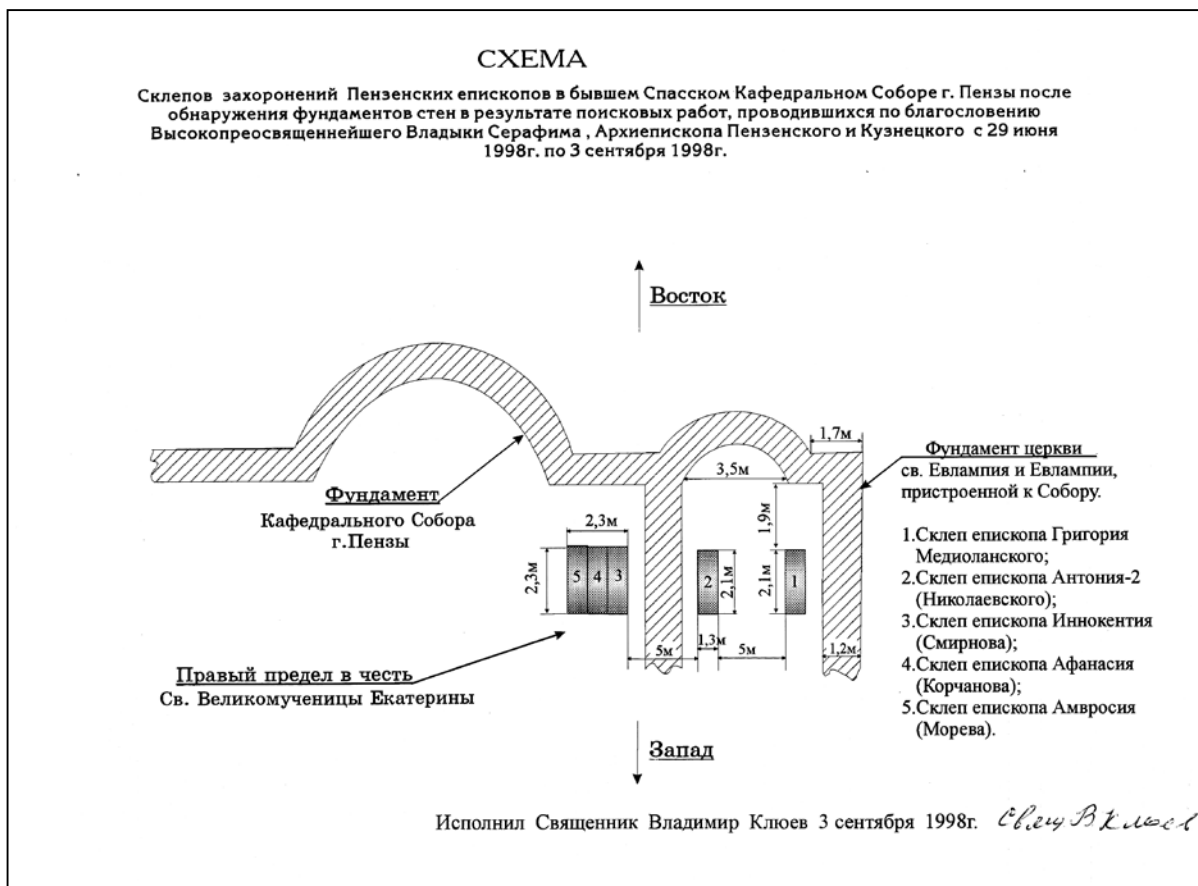
[Handwritten signature]

Дворжанский

Личные вещи архиереев

и первый молебен, с тою же иконою Спас Нерукотворный и, как оказалось, прямо напротив главного алтаря – во имя Всемиловитого Спаса, в самом центре собора, где находилась архиерейская кафедра. Случайных совпадений не бывает – это мы тоже усвоили.

В последующие дни наши работники перелопачивали отвалы земли, сброшенной экскаватором. Нашли ещё несколько костей (в основном позвонки). Интересной стала находка обрывка крупнозвенной цепочки предположительно от нательного креста. Цепочка была, кажется, серебряной. Любопытным показался осколок каменных полов, рифлёных и покрашенных. Почему-то подобных осколков не попадалось во время поиска в разведочной траншее.

К середине сентября вся территория участка сквера, потревоженного нашими раскопками, была приведена в относительный порядок. С помощью экскаватора засыпаны котлованы, убраны завалы земли с асфальтированных дорожек, аккуратно сложены срубленные деревья (затем их вывезли на грузовике), убрано ограждение. Всё лето наши столбы, расставленные вокруг участка сквера, виднелись аж от улицы Московской. И вот столбов не стало. Закопанные места разравнивали лопатами, убирали крупные камни. И, между прочим, нет-нет да находили косточки! Одна из них – обломок кости руки – оказалась, как выяснилось позже, костью, принадлежащей останкам святителя Иннокентия. Дивны дела Твои, Господи! Если бы сразу приехал

бульдозер и заровнял площадку, мы потеряли бы эту и другие косточки уже навсегда. А бульдозер долго не присылали к нам, и мы ещё сетовали на это.

Драгоценный клад отдала земля, и казалось, что скверик словно поблёк, стал каким-то неприглядным. Не потому только, что лишился нескольких деревьев. Просто – наступила осень. Лишь заровняли землю, как жёлто-красная листва начала щедро сыпать её, прикрывая все неровности и морщины, примиряя прохожих с тем, что на аллее теперь нет асфальта и скамеек, а только взрытая и разровненная земля.

Приближались холода. Но – благодарение Богу! – труды уже были завершены, всё с Его благодатной помощью успели вовремя. Окончен счёт зимам, студившим в земле косточки архипастырей. Больше не зальют дожди останки епископов Григория и Антония. Больше никто не будет над их головами справлять масленицу, распивать вино, стучать по шашечной доске... Святителям уготован достойный вечный покой.

...Погожий сентябрьский день пестрел последними цветами на клумбах, алел рябиновыми кистями, голубел чистым прохладным небосводом. Один этот день – четверг, 24 сентября – ознаменовался чередой поистине чудесных событий.

С утра мне было поручено сжигать в муфельной печи остатки архиерейских облачений. Сделать именно так и мешочки с пеплом положить к останкам каждого архипастыря благословил Высокопреосвященнейший Владыка Серафим. К этому дню уже были приготовлены аккуратно сделанные из древесноволокнистых листов временные (до изготовления гробов) ящики для останков, застеленные новыми полотенцами.

Печь была во дворе одноэтажного деревянного дома, стоявшего позади здания Пензенского художественного училища. В этом особнячке квартировали и работали над своими картинами художники. Расположенный совсем рядом с Советской площадью, этот дворик напоминал деревенский: очень тихий, спокойный, он весь благоухал астрами, настурциями, душистым горошком. Пока в печи сгорала очередная порция, я любовалась цветами и наслаждалась ясным, по-летнему тёплым деньком. Долго не могли прогореть сапоги епископа Антония. Но, увы, сжечь надо было и их. Удивительно, но не сгорали пуговицы, блестящие ниточки, которыми были затканы лоскутки от риз. Однако всё это тоже необходимо было сыпать вместе с пеплом (а пепел приходилось ещё и остужать) в полиэтиленовые пакетики. И в каждый опускать листок с надписью – “Облачение епископа Афанасия (Амвросия, Григория и т. д.)”. Меня поразил цвет язычков пламени, когда я открывала дверцу печи и кочерёжкой перемешивала сжигаемое: голубовато-зеленоватый. Или нет, даже не могу определить, какой это был оттенок. Облачение святителя Иннокентия, как мне показалось, горело совсем без дыма, а пламя было ну просто неземного свечения. (Или это только мои фантазии после того, что я узнала об этом необыкновенном человеке, который, Бог даст, скоро станет нашим пензенским святым?).

Часов до трёх пополудни длилась моя вахта у муфельной печи. А в это время у нас в Архиерейском доме происходили чудесные открытия, они-то

и были главными событиями дня. Рабочие ломали стенки и перегородки на третьем этаже. Ранее там были коммунальные квартиры, затем мастерские художников. Теперь предстояло вернуть помещениям их первоначальную планировку. И вдруг, убирая очередную перегородку, рабочие в месте её примыкания к капитальной стене обнаружили трещину. Приехал отец Владимир и застал их в раздумьях: что делать дальше? “Здесь должен был проём, – сказал он, – ведь на этом месте была крестовая, или домовая, церковь”. Счистили участок старых обоев и увидели арочный свод, хорошо заложённый кирпичной кладкой, так что стена казалась ровной, монолитной. Стали разбирать кирпичи – и открылся верх арки. “Это же Царские врата! – определил отец Владимир. – Царские врата, ведущие в алтарь крестовой церкви”.

Отец Владимир счёл находку за настоящее чудо, ведь на вечер этого же дня было запланировано отслужить первую после восьмидесяти лет забвения панихиду по пяти пензенским архипастырям.

К панихиде всё было готово: из церкви Петра и Павла привезли аналой, подсвечник и уже знакомую и дорогую нам икону “Святой Убрус” (или Спас Нерукотворный). А комната, в которой должна была состояться панихида и где всё это время, со дня их нахождения, “по-походному” были разложены останки, на несколько часов превратилась в научно-исследовательскую лабораторию. Выражаясь языком медицины, “визуальным, измерительным,

Проем, где находились Царские врата крестовой церкви

Идентификация костных останков из третьего склепа

фотографическим и анатомоморфологическим методами, а также в тёмной комнате при освещении источником ультрафиолетовых лучей” производилось медицинское исследование костных останков, “представленных в трёх ящиках из ДВП, на поверхности двух листов ДВП и в бумажных свёртках”. Закавыченные цитаты – из акта медицинского исследования, о чём речь ниже. При задернутых шторах над останками трёх епископов, извлечёнными из третьего, по времени обнаружения, склепа, кропотливо трудились заведующий отделением медицинской криминалистики лаборатории бюро судебно-медицинской экспертизы Пензенского управления здравоохранения, врач высшей квалификационной категории с 20-летним стажем работы Омар Гаджимурадович Омаров и его помощник, лаборант отделения медицинской криминалистики Александр Анатольевич Бурцев. Они были сосредоточены и бесстрастны. А мы с волнением ожидали результатов экспертизы. Что скажет наука? Подтвердит ли она то, что неведомым образом подсказывалось нам свыше? А подсказывалось вот что.

Одним из гостей Архиерейского дома накануне этих событий был молодой священник из одной сельской церкви Иссинского района. Осмотрев останки архипастырей, он рассказал, что, бывая в святых местах, видел мощи святых – это чаще всего прозрачные на свет кости медово-жёлтого цвета. Среди найденных нами останков было несколько именно таких светлых косточек. Не останки ли это святителя Иннокентия? Ведь он уже после своей кончины в

1819 году в течение всего XIX века и в начале XX-го силою Господа нашего являл немало чудесных исцелений на своём гробе.

Да! Всё оказалось именно так. Эти косточки, а также и нижнюю челюсть с шестнадцатью белыми зубами мы увидели уже аккуратно разложенными на полотенце в коробке, на крышку которой загодя была приклеена надпись: “3 сентября 1998 года, склеп № 3. Кафедральный Спасский собор, правый придел святой великомученицы Екатерины. Епископ Пензенский и Саратовский Иннокентий, управлял епархией с 21 июня 1819 года до своей кончины 10 октября 1819 года”. Так же аккуратно лежали в двух других ящиках идентифицированные останки епископов Афанасия и Амвросия (останки епископов Григория и Антония мы положили в ящики ещё накануне).

Спустя некоторое время мы получили в руки серьезнейший документ – “Акт медицинского исследования”. На 12 листах машинописного текста подробно, научнообразным языком описывается характеристика абсолютно каждой косточки останков трёх архиереев из склепа № 3. На пяти листах размещены фотографии

Останки епископов Иннокентия, Афанасия, Амвросия 2-го, Григория, Антония 2-го

костей и их фрагментов. Приведу здесь лишь несколько цифр. Останкам епископа Иннокентия принадлежат, согласно исследованию, семьдесят отломков, осколков и цельных костей. Определили рост святителя – около 167 сантиметров. Останки епископа Афанасия состоят из тридцати четырёх отломков и цельных костей. Ростом он был повыше – около 173 сантиметров. Останкам епископа Амвросия 2-го принадлежат тридцать три кости и отломка. В том числе – нижняя челюсть, на которой сохранилось всего несколько зубов. Исследователи определили, что это – останки человека в возрасте более 70 лет (Амвросию при его кончине был 71 год, годы его жизни: 1783–1854) и ростом около 170 сантиметров.

Что же касается костей, которые мы находили в разведочной траншее и заворачивали в белые листочки, то, как выяснилось, “все они легко отличаются по форме и размерам от костей скелета человека и таковыми не являются, а относятся к костям скелета животных” – было написано в Акте.

Странно, но никакого чувства сожаления по этому поводу не было. А ведь, казалось бы, сколько трудов затратили. В моих тетрадках подробно и скрупулезно учтены все-все эти кости по номерам и с координатами их местонахождения, вплоть до последнего дня, вернее, наоборот, – первого дня наших удач, 28 августа, когда я записала, что нашли аж шесть костей, последняя – за номером 56. Вот сколько. И что же, напрасно? Нет, напрасным это совсем не казалось.

Но вернусь к 24 сентября. Венчающим этот день событием стала первая панихида по пяти пензенским архипастырям. Благоуханный аромат иерусалимского ладана и ни с чем не сравнимый дым кадила поплыли по молитвенной комнате, устланной коврами, на которые в два ряда поставили ящики с останками. После долгих лет в Архиерейском доме снова запахло храмом Божиим. Служил отец Владимир по старинному требнику, который ему недавно подарили. Этот требник в 1890 году принадлежал некоему иеромонаху Евфимию, о чём свидетельствуют экслибрисы на его титульном листе. А на экслибрисах надпись: “Архиерейский дом, г. Пенза”. Разве это не примечательно?

На заупокойной службе были, как говорится, все свои: заместитель председателя приходского совета Петропавловской церкви Ольга Александровна Кочеткова, редактор “Пензенских епархиальных ведомостей” Александр Игоревич Дворжанский, помощник отца Владимира Сергей Хромов, Екатерина, исполнявшая в то время нелёгкие обязанности коменданта дома, и я. Пели певчие из нашего молитвенного дома Ольга Жесткова и Елена Бердникова. На столе в вазе стояли великолепные белые махровые хризантемы – Ольга Александровна выбрала, наверно, лучшие на всём базаре.

“Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная” – раздалось печально-возвышенное и умиленно-взволнованное пение над честными останками архипастырей. Как же давно не слышали они этих слов!

На следующий день рабочие полностью расчистили арочный свод Царских врат, убрали мусор от сломанных перегородок. Выходит, что алтарь крестовой церкви только что был мастерской художника В. А. Мочалова,

которую временно переместили в одну из комнат на первом этаже, недалеко от двух, занимаемых нами. Сам же Владилен Алексеевич как-то не особенно удивился, что жил и рисовал... в алтаре, в святая святых. “Значит, Бог меня удостоил”, – сказал он, но эти слова были только словами. Зато как изумлялись мы. Для нас чудеса продолжались, как жаль, что художник их не ощущал вместе с нами. В его комнатах на стенах в трёх местах были сделаны как бы “окошки” в обоях. Теперь неизвестно, кто это сделал, ведь было пять слоёв обоев. Но хорошо, что “окошки” оставались при последующем ремонте. В этих окошках были... настенные изображения ликов каких-то старцев: двое в архиерейских митрах, один с обнажённой головой и со святым кружком над нею. Теперь, когда стало ясно, что здесь алтарь, поняли также, что это за изображения. И принялись счищать обои со стен. Сначала расчистили вокруг незаклеенных изображений и увидели, что это – настенные росписи алтаря, а изображены на них, конечно же, святые. В полный рост. Царствие Небесное замечательному живописцу, создавшему эти лики: он надписал над каждым, кто это – так было принято, но как необходимо оказалось для нас, только начавших свой путь к Свету Истины! На этих трёх картинах были Алексей, митрополит Московский, святитель Григорий Богослов и святой епископ Амвросий Медиоланский. Нас особенно поразило совпадение фамилии нашего епископа Григория Медиоланского и этого святого.

С волнением и нетерпением, с предвкушением чуда мы, женщины, – Ольга Александровна, работница нашего молитвенного дома Александра и я – соскабливали со стен слой за слоем, предварительно смачивая обои тёплой водой. Сам отец Владимир взял в руки тряпку и тёр стены, а нас подгонял, мол, ищите, здесь непременно есть ещё росписи. Ольга Александровна сказала, что нужно петь тропари, молиться, чтобы Господь укреплял в работе и она увенчалась успехом. Сама подала пример, запев “Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние Твое...”

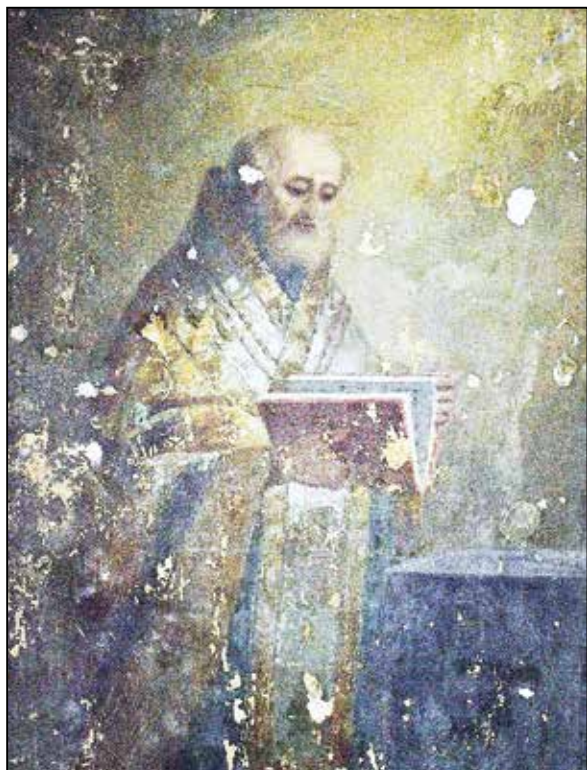
Обои соскабливались с трудом. И вот из-под очередного обрывка проступили краски. Осторожно снимаем размокшие слои бумаги дальше – появляются контуры красочной картины. Правда, она вся испещрена вмятинами, дырками словно бы от гвоздей (а может, так и есть), во многих местах роспись повреждена, сколота. Но всё-таки сохранилась! Уже представляя, какого размера должна быть картина, осторожно, кончиками пальцев оттираем там, где приблизительно находится самое главное – лик святого. Кто это будет? И вот под рукой проступает светлое чело, прекрасные глаза. Отмываем участок сбоку – и проступают буквы: “Злато”. А с другой стороны – “Ио”. Иоанн Златоуст! Великий святитель, вдохновенный учитель нашей духовности. Что получается? Если смотреть из алтаря, то два святых отца Православия находятся по обе стороны Царских врат: слева – Иоанн Златоуст, справа – Григорий Богослов. На стене слева от дьяконских врат (это была просто дверь квартиры и, кажется, за ненадобностью забитая и заставленная мебелью) взору нашему предстаёт извлечённый из-под пятислойного напластования сине-жёлто-красных обоев... великий угодник Божий Николай Чудотворец. Его изображение необыкновенно: святитель Николай

*Святители Алексий, митрополит Московский, Амвросий Медиоланский,
Иоанн Златоуст и Григорий Богослов*

*Николай Чудотворец, Иоанн Креститель, Василий Великий
и Царица Небесная*

Царица Небесная

стоит вполоборота, очи его опущены долу, смотрят в раскрытую книгу, которую он держит в руках.

А кого нашла Ольга Александровна? Вот под её аккуратными тонкими пальцами просияли пронзительные очи на прекрасном лице, обрамлённом длинными чёрными волосами. Над головой – такой же, как на других изображениях, золотистый кружок. Нет, это не Спаситель, хотя эта роспись находится справа от бывшего Горнего места, в простенке между двумя окнами. Вот – крепкие руки и обнажённая грудь, прикрытая звериной шкурой... Так это же Иоанн Креститель – вот его посох-крест в руке! Изумительный образ. А с левой стороны от Горнего места (это просто заложённое окно) обрели мы чудесный, нежный лик Царицы Небесной – в короне на голове, с устремлённым горе взором и опущенными вниз руками. Пресвятая Дева стоит на большой голубой сфере – словно бы земном шаре, каким он видится из космического пространства. Над головою же Её – сияние.

Нет, всё это было настоящим чудом! Как за столько десятилетий, под столькими слоями обоев почти не поблекли краски и чистыми, почти непоцарапанными сохранились все-все лики? Именно лики, в то время как остальные фрагменты изображений подпортились и требуют явной реставрации. Всего в алтарной части после очистки стен обнаружилось восемь настенных росписей. Поначалу мы называли их фресками, но побывавший там директор картинной галереи Валерий Петрович Сазонов определил, что эти изображения написаны масляными красками не по сырой штукатурке, а иначе.

Итак, какие святые изображены? Царица Небесная, Иоанн Предтеча, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Николай Чудотворец, Амвросий Медиоланский и святитель Алексей, митрополит Московский.

А затем очищали стены в том помещении бывшей домово́й церкви, в котором, собственно, молились на богослужениях. Там тоже пришлось ломать несколько стен и перегородок, поскольку это были также коммунальные квартиры. Сначала открылась нижняя часть настенной росписи: чья-то босая ступня под синим одеянием. Верхней части у изображения не было: там было окно, прорубленное, без сомнения, в советское время. После того, как мы обрели алтарь с росписями, естественно было предположить, что и в этом помещении могут обнаружиться настенные изображения. Правда, стены здесь были покрыты пятью слоями не обоев, а мелового наката, как однотонного, так и с рисунком. Когда Александра и я взялись за поиск новых священных ликов с помощью тряпок и без конца меняемой воды, то перво-наперво перепачкались мелом с головы до ног. Но – Господь помог нам – открытие свершилось! За работой мы пели “Спаси, Господи, люди Твоя...” и “Богородице Дево, радуйся...”, как научила нас Ольга Александровна.

Сначала я нашла изображение на расстоянии приблизительно двух метров от “босой ноги”, и на уровне с ней из-под меловой мути появились... тоже ступни. Влезла на стремянку и стала отмывать выше. И проступил чудесный лик, светлое чело, молодые, нежные черты лица, длинные волнистые волосы, вьющиеся по плечам. Кто это – не Мария ли Магдалина, мелькнула мысль. Но зачем гадать, если художник оставил нам, неразумным, надписи. Несколько движений хорошо смоченной тряпкой и – вот оно: “Ио.

Богос.” Любимый ученик Господень – самый молодой Его апостол Иоанн Богослов! Юноша-Иоанн. Таким он был, когда преклонял главу к груди Учителя. А старцем его изображают уже как евангелиста. Мне кажется, что никогда в жизни я ещё не испытывала такого необычного чувства радости. Вернее, чувства необыкновенной, не житейской, не материальной, не физической, а какой-то иной радости. Может быть, это и есть – радость духовная?..

Александра сообразила: отсчитала пальцами расстояние от первой росписи до Иоанна, затем столько же от Иоанна дальше, вправо, и начала тереть стену в этом месте. И не ошиблась! Там тоже проступили краски. Да вот досада: это изображение оказалось заштукатуренным по самой середине и надпись почему-то не оттерлась, так что до сих пор только догадываемся, кто там изображён. Тем же образом, отмеривая пальцами, отыскали четвёртое на этой стене (южная стена третьего этажа Архирейского дома) изображение. На нём оказался святой апостол Андрей Первозванный с косым крестом за плечами. Сменили воду в вёдрах ещё раз и получше отмыли свои находки. И любовались, любовались. Особенно Иоанном Богословом, в ярко-алом, с зелёным, одеянии. Лик апостола оттирали долго, тщательно и благоговейно: ведь прямо по нему проходил стык временной стены с капитальной; а двумя днями раньше рабочие разобрали печь, которая стояла на этом месте, автогеном отрезали рельсы, поддерживающие её снизу на полу. Чуть выше изображения осталось чёрное от сажи отверстие дымохода.

Крестовая церковь Архирейского дома

Апостолы Иоанн Богослов и Андрей Первозванный

Дома вечером, переверачивая листок настенного православного календаря-численника, я ахнула: это был день “преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова”.

...Шёл октябрь. Почти каждый день в Архиерейском доме служили панихиду по архипастырям по очереди отец Владимир, настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Сергей Лоскутов, священники из нашей Петропавловской и других церквей Пензы; приезжали батюшки и из сельских приходов.

18 октября всё православное население Пензенской области в большой духовной радости поздравило Высокопреосвященнейшего Владыку Серафима с днём двадцатилетия его архиерейского служения на Пензенской кафедре. В Успенском кафедральном соборе состоялась праздничная Божественная литургия. Служили архиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим, епископ Саранский и Мордовский Варсонофий и епископ Красногорский, викарий Московской епархии Савва, которые приехали чествовать нашего Владыку. Собралось, кажется, всё духовенство города и многие священники из сёл и городов Пензенской епархии и, конечно, множество прихожан. Роскошные букеты прекрасных цветов были в руках каждого подходящего под благословение. А благословлял Владыка Серафим иконами.

Несмотря на пасмурную погоду, день был для всех светлым и запоминающимся, и в своём повествовании я не могу обойти его вниманием, тем более,

Встреча Владыки Серафима. 17 октября 1998 г.

Епископ Варсонофий, архиепископ Серафим и епископ Савва. 18 октября 1998 г.

что на следующий день у нас в Архиерейском доме побывали архиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим и епископ Красногорский Савва. Гостю из Москвы показали, как идёт ремонт и восстановление комнат в Архиерейском доме, причём наш Владыка всё показывал ему сам.

Главной нашей гордостью (если это слово здесь уместно) были росписи в освобождённых помещениях бывшей крестовой церкви, их с радостью показали епископу Савве. Затем гостя свозили в молитвенный дом Петра и Павла. Отец Владимир рассказал обо всех ценных иконах, – ценных не в материальном, а в духовном смысле; о чудесной истории обретения их нашей церковью. Московский vikarий с благоговением приложился к иконам. А как было не показать гостю строящийся храм святых первоверховных апостолов Петра и Павла, о скорейшем возведении которого усердно молились на ежедневных богослужениях арбековские прихожане.

Минуло ещё несколько дней, и наступило 23 октября – день памяти святителя Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского. Он скончался в день, когда Православная Церковь вспоминает святых мучеников Евлампия и Евлампию (поэтому во имя их и освящена была церковь, пристроенная к Спасскому собору). В этот день должна была состояться особенная заупокойная служба. А накануне в Архиерейский дом привезли изготовленный в фирме “Исход” по специальному заказу великолепный гроб-саркофаг для останков епископа Иннокентия, а также четыре одинаковых гроба для останков епископов Афанасия, Амвросия, Григория и Антония. Этим преследовалась далеко идущая благая цель: когда Иннокентия причислят к лику святых, этот саркофаг (уже не с останками, а святыми мощами святителя) будет, по благословию архиепископа Пензенского и Кузнецкого Серафима, поставлен в одном из пензенских храмов для поклонения.

Так совпало – и это было знаменательно в духовном отношении, – что также 23 октября состоялось торжественное открытие Пензенской православной гимназии имени святителя Иннокентия.

На этом торжестве присутствовал Высокопреосвященнейший Владыко Серафим: он благословлял учащихся иконками, перерезал символическую ленточку при входе в здание гимназии, сердечно напутствовал и взрослых – педагогов, родителей, представителей общественности – и, конечно, ребят. И пусть новоселье было не в новом помещении, а в одном из освободившихся двухэтажных зданий на улице Кулибина, радость была большой и всеобщей. Наконец-то! Ведь в течение нескольких лет существовало только православное отделение в стенах частной общеобразовательной школы “Алгоритм”.

В день памяти святителя Иннокентия в Архиерейском доме состоялись три заупокойные службы. Первую отслужил отец Владимир с помощниками, певчими и прихожанами церкви Петра и Павла, и, конечно же, молились мы, работники Архиерейского дома. После литии отец Владимир прочитал присутствующим о жизни и блаженной кончине святителя. У многих на глазах заблестели слёзы, когда он рассказывал, на каких словах 54-го псалма преосвященный Иннокентий отошёл ко Господу: “Аз же, Господи, уповаю на Тя”.

Благословение иконками на открытии Православной гимназии. 23 октября 1998 г.

Открытие Православной гимназии. 23 октября 1998 г.

И только завершилась эта панихида, как вдруг тесноватый коридор и комната для молитвы заполнились людьми. Это прямо с торжественного открытия Православной гимназии приехали члены православного общества во главе с Любовью Геннадьевной Кичевой, в руках которой были великолепные хризантемы. Цветы положили на крышку ящика, в котором находились останки святителя. Все как один, пришедшие встали на колени и запели: “Святителю отче Иннокентию, моли Бога о нас”. Пели и молились, кладя земные поклоны. Пели и плакали, потому что души были исполнены радости, благоговения и любви. Более 80 лет в этот день не пели святителю таких взволнованных, благодарных и покаянных слов, не проливали над его прахом светлых слёз, не творили тёплых молитв вот так, вместе, едиными устами и единым сердцем.

Каждый пришедший с трепетом и верой подошёл к останкам святителя и, встав на колени, приложился к косточкам. Затем благодарным гостям показали крестовую церковь, с удовольствием – потому что этим людям была интересна и дорога каждая деталь – рассказали о том, как были отмыты и очищены настенные росписи, созданные много-много лет назад. Не успели члены православного общества уйти (а они сожалели, что опоздали на панихиду), как приехал протоиерей Сергей Лоскутов, и наши гости с радостью помолились снова у останков архиереев, а затем опять поднялись вместе с отцом Сергием в помещение бывшей крестовой церкви, где состоялась ещё одна панихида (уже третья) памяти святителя Иннокентия.

Таким наполненным стал этот день. Но впереди было самое ответственное дело, самое главное..

Каждый день в Архиерейский дом стали приходить люди – женщины и мужчины, дети и подростки – для поклонения пяти архипастырям. Они молились, плакали светлыми растроганными слезами, покупали и возжигали свечи, делали пожертвования на ремонт Архиерейского дома.

27 октября гробы были обиты изнутри белой тканью и приготовлены для положения в них останков архиереев. Перед фасадом Архиерейского дома у ступенек, ведущих на аллею, вскрыли асфальт и начали копать место под новый склеп для погребения архипастырей. Это был последний день, когда ещё могли приложиться, притронуться к косточкам, да и просто посмотреть на них.

На следующий день, в среду, 28 октября, с пением, молитвами и каждением протоиерей Сергей Лоскутов, священник Владимир Ключев и старший псаломщик Успенского кафедрального собора Иван Васильевич Тугушев облачили останки архиереев и положили в убранные гробы. Были отслужены панихиды перед и после церемонии облачения, которая проходила без присутствия молящихся мирян. Когда нам, послушникам Архиерейского дома, разрешили войти в молитвенную комнату, мы увидели её как бы в новом свете – торжественном и скорбно-строгом. Всю площадь пола занимал ковёр. На ковре, на тех же ящиках из древесноволокнистой плиты, ставших теперь чем-то вроде постаментов, стояли гробы. В центре – гроб с останками святителя Иннокентия, вокруг него, симметрично по два, – гробы с останками епископов Афанасия, Амвросия, Григория и Антония. Крышки всех гробов были сняты и стояли у стен. Облачённые в архиерейские одеяния останки были

покрыты расшитыми парчовыми покрывалами с изображением Голгофы и текстом из чина панихиды. В головах, под парчовыми же покрывалами, возвышались архиерейские митры. На уровне груди лежали Евангелия. Горели лампы и свечи. Пахло ладаном и ароматным дымом кадила. У самого входа, перед одним из гробов (если я не ошибаюсь, то в этом, ближайшем к входу, гробу были останки епископа Антония) был постелен маленький коврик для коленопреклонённой молитвы проходящих почтить архипастырей. Дальше проходить было уже нельзя никому, кроме священнослужителей. И нельзя было прикасаться ни к гробам, ни к покрывалам, ни к кисточкам покрывал. Рядом поставили подсвечник, чтобы сразу у входа прихожане могли возжечь свои свечи. Чуть подалее – аналой с иконой Господа Вседержителя, перед которой прихожане молились и к которой они прикладывались. В маленькой комнатке перед молитвенной поставили стол. На нём разложили для продажи свечи, ладан, духовную литературу, которые привезли из молитвенного дома Петра и Павла, а также записывали заказанные прихожанами заупокойные обедни. Кстати, накануне дня перезахоронения в свет вышла отпечатанная в типографии брошюра с кратким очерком жизни Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского, его портретом и старинными фотоснимками, изображающими Спасский кафедральный собор и Архиерейский дом.

Прихожане, как обычно в любом храме, приносили на канун хлеб, яблоки, крупу, варенье. Ежедневно пополнялся маленький сундучок для пожертвова-

Гробы с останками архиереев

Устройство склепа для архиерейских останков

ний, раскупались свечи. Вырученные деньги целиком и полностью расходовались на нужды Архиерейского дома, а этих нужд было немало. Главная – восстановить здание как изнутри, так и снаружи.

Оставались считанные дни до момента перезахоронения архиереев. Погода была серая, пасмурная, всё время моросил дождь. Но напротив Архиерейского дома от темна до темна кипела работа: строился новый склеп. Изнутри его выкладывали кирпичом, сверху над ним раскинули самодельный тент из полиэтиленовой плёнки, чтобы на дне не образовались лужи и грязь и не мокли рабочие. Пол склепа и небольшие постаменты для гробов, возвышающиеся над полом, облицевали кафельной плиткой с узорчатым рисунком. К пятому ноябрю едва-едва успели завершить работу..

Шли осенние каникулы в школах. В это время в Пензе экспонировалась выставка из Петербургского музея восковых фигур. Зрелище, интересное для далёких от Церкви людей, не смогло, слава Богу, заслонить собою события духовного уровня и по важности, конечно, гораздо большего масштаба, чем выставка, которая располагалась буквально в двух шагах от Архиерейского дома – в Пензенской картинной галерее имени Савицкого. Может быть, кто-то из сотрудников галереи и побывал в числе других прихожан у останков. Ибо кто же подсказал школьникам, что совсем рядом находится такая святыня, которой просто необходимо поклониться – для души. И вот прямо из галереи один за другим стали приходиться к нам целые школьные классы. Тут мне вспомнился каверзный вопрос внештатника летом на лавочке, стоявшей – если бы знать тогда! – над самым прахом святителей: “Что же, вы надеетесь, что если найдёте останки, вся Пенза враз покается?..” И вот он – ответ! Школьники – от 5-го до 11-го класса – шли и шли в Архиерейский дом; было тесно в комнатке, где продавали свечи, ведь пускали на коврик перед гробами по одному-два человека, остальные ждали своей очереди. Шумливые подростки замолкали, переставая хихикать, толкаться и жевать жвачку. Девчонки, щеголявшие поздней осенью без шапочек с распущенными волосами, разматывали с шеи шарфы и покрывали головы: ведь им сказали, что здесь место святое, как в церкви, где девушкам и женщинам нужно находиться с покрытой головой.

Не мне рассуждать и выяснять, какое из посещений – выставки или Архиерейского дома – дало им, ребятам, больше. Сразу ответить на этот вопрос они не смогли бы. Остаётся надеяться на милость Божию: вдруг, да проклюнется хотя бы одно из зёрен, брошенных Сеятелем в души этих молодых людей.

К архипастырям приходили ежедневно, ежечасно. Мы трудились, принимая прихожан, без выходных дней. Многие приводили с собой своих детей или престарелых родителей. Со слезами на глазах, встав на колени перед гробами, люди молились простыми, идущими от самого сердца, словами: “Святые наши святители, пастыри пензенские! Молите Бога о нас, грешных!”

Некоторые сокрушались: почему не знали о поиске останков пяти архипастырей и не ведали о том, что на их косточки можно было посмотреть и даже приложиться к ним.

В изумление и восторг приводила всех домовая церковь с её чудесно сохранившимися ликами святых. Мне же, грешной, довелось поработать экскурсоводом, и эти экскурсии шли почти непрерывно – некогда было перекурить и передохнуть. Прошло время, и я благодарно вспоминаю те несколько дней конца октября – начала ноября. Всё, что я рассказывала прихожанам о поиске и обнаружении останков, об Архиерейском доме, о самих архипастырях – а узнать о них я сама ещё ох как мало успела, – всё это “натренировано” меня для написания данного повествования.

Но главное для меня – впечатления, оставшиеся от встреч с удивительными людьми, для которых всё, что они видели вокруг и слышали от меня, было так дорого, свято, важно до мельчайшей детали и, в то же время, так возвышенно и благодатно, что я сама не раз была тронута до слёз искренностью их чувств. Мне, в свою очередь, рассказывали о святых местах, о чудесных случаях из своей жизни, об иконах. Кто-то из прихожан даже сообщил, что до него дошёл слух якобы о чьём-то исцелении, произошедшем у нас, в Архиерейском доме, у останков святителя Иннокентия... Одна восьмидесятидвухлетняя старушка декламировала духовные стихи, а её внучка, моя сверстница, поведала о чудесном явлении ей... Николая Чудотворца, давшего ей книгу, которую велел читать, – православный молитвослов... И это были мои земляки, совсем не похожие на тех, кто подчас грубит друг другу в транспорте, обсчитывает и обвешивает на базаре. С теми я встречалась, а вот с этими – почти впервые. “Почти” – потому что год назад уже познакомилась с Любовью Геннадьевной Кичевой и другими посетителями православных бесед при Успенском кафедральном соборе и была потрясена открытием в повседневном бытии двух разных миров: мира “мирского” – делового, суетливого, порой раздражительного и нервного и даже злого, и мира, как говорится, “не от мира сего”, – мира людей, живущих в ладу и любви друг с другом, с собственной совестью, ощущающих Бога рядом и делающих всё, помня, что Он видит малейшее движение и слышит каждое слово.

И вот – новая встреча с людьми “не от мира сего”. Внешне вроде бы ничем не отличающимися от других, но – иными. Они, может быть, уже сто раз покаявшиеся на исповеди в храмах и молитвенных домах, коих являются прихожанами, – каялись ещё раз здесь, когда со страхом Божиим и трепетом входили в алтарную часть домового церкви и прикасались лбами и губами к стопам изображённых на старинных стенах святителей и святых угодников.

Трудно переоценить то, чему я научилась от этих людей. От напряжения потеряв на целую неделю голос, охрипнув (в Архиерейском доме было холодно), я всё же не дала им и части того, что получила от них...

Вплоть до обеда четверга, 5 ноября, поток людей, поклоняющихся архипастырям, не прекращался. И не прекратился бы, но в 14 часов настал момент нашего прощания с дорогими святителями. Последнюю зауспокойную литию в стенах Архиерейского дома перед их останками отслужили настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Сергей Лоскутов и священники – настоятель Петропавловского молитвенного дома Владимир Ключев, на-

Последняя панихида в Архиерейском доме. 5 ноября 1998 г.

стоятель Преображенского храма Иоанн Яворский и настоятель Казанского молитвенного дома села Грабово Пензенского района Алексей Спицын. У ворот Архиерейского дома уже ждали два автобуса-катафалка, чтобы перевезти гробы с останками архиереев в Покровский храм. Наряд воинов уже начал выносить гробы один за другим из молитвенной комнаты. Певчие, а с ними все работники, кто в это время присутствовал в Архиерейском доме, запели “Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас”. Многие из нас плакали, а на улице слёзы смешивались с каплями холодного осеннего дождя. Пока гробы несли до катафалков – считанные метры, – они успевали покрыться дождевыми каплями, словно и небо оплакивало наших святителей. Иннокентий, Афанасий, Амвросий, Григорий, Антоний! Разбуди нас среди ночи – каждый без запинки отчеканил бы эти имена. Они вошли в сердца, словно имена родных людей. Два месяца архипастыри находились рядом с нами. Да-да, не просто косточки, прах, а они сами словно бы присутствовали, пусть незримо. Казалось, что они нас видят, слышат, прислушиваются к разговорам, следят за нашими поступками. В комнату, где лежали останки, мы входили с благоговением и трепетом, не разговаривали громко, не смеялись, боялись сказать неосторожно какое-нибудь грубое слово.

Жизнь как будто разделилась на “до” архипастырей и “после”. “До” – это было время, когда мы не ведали о них. Для кого-то оно длилось двадцать, для кого-то – около сорока, для кого-то – и более лет. Мы жили без них. Хуже

Перенос гробов с останками архиереев в Покровский храм. 5 ноября 1998 г.

того, мы даже жили... без Бога. А когда настала встреча – сначала с Богом, затем с пятью архипастырями (без первой не было бы и второй встречи!), то какой жутко пустой, недостойной, греховной показалась вся эта жизнь “до”! Нет, никто из нас не стал враз праведником, мы остались теми же “нищими духом”. Но многое изменилось в нас. Мы почувствовали, что дальше жить надо по-другому. Потому что настала новая эпоха – жизнь с Богом, со святыми, с архипастырями. Нет, это не были просто “косточки”, если они заставили так задуматься обо всём...

В Покровском храме гробы с прахом пензенских иерархов установили на невысоких убранных постаментах в том же порядке, в каком они стояли в Архиепископском доме, но только в одну линию: гроб Иннокентия в центре, остальные четыре – попарно с обеих сторон. Настоятель Покровской церкви протоиерей Вячеслав Логинов служил панихиду и всенощное бдение в сослужении иереев и диаконов из разных храмов Пензы и области. Среди них из нашей Петропавловской церкви были отец Владимир Ключев и отец Сергей Логинов. Всю ночь у гробов с прахом архипастырей пензенских читалось Евангелие, звучало псалмопение.

И настал день торжественного перезахоронения – пятница, 6 ноября. Народу в Покровском храме собралось намного больше, чем накануне на всенощной. Божественную литургию, затем панихиду о упокоении епископов Пензенских служил архиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим. А когда

У гробов в Покровском храме. 5 ноября 1998 г.

Панихида в Покровском храме. 5 ноября 1998 г.

говорил проповедь, рассказал и о поиске, и об идентификации останков, проведённой квалифицированными экспертами, а затем от всей души поблагодарил организаторов и исполнителей всех этих работ – протоиерея Сергия Лоскутова, настоятеля церкви святых апостолов Петра и Павла священника Владимира Ключева, редактора журнала “Пензенские епархиальные ведомости” Александра Игоревича Дворжанского, а также участников событий, то есть нас, грешных, работавших где лопатами, где руками. Раздались звучные и взволнованные звоны колоколов Покровского храма (каким великолепным стало теперь его убранство!). Начался крестный ход.

Люди вышли из храма, встали в ожидании появления торжественной похоронной процессии. Сновали журналисты и телевизионщики, но ещё больше было догуливающих свои каникулы школьников, причём почти у всех в руках были фотоаппараты. Это приятно удивило: значит, мальчишки и девчонки знают, зачем пришли и что будет здесь. Все – и взрослые, и ребята – встали в шеренгу, держа фотоаппараты наготове. Дождь, который не прекращался и утром, вдруг перестал, хотя небо не прояснялось.

Первыми из больших железных ворот храма вышли нарядно обмундированные казаки с фонарём и запрестольными крестом и иконою, за ними – хор певчих. Далее в две цепочки – насельницы Пензенского и Наровчатского женских монастырей, во всём чёрном. От этого особенно ослепительными выглядели белые облачения шедших следом диаконов с кадилами. За диаконами

Божественная литургия в Покровском храме. 6 ноября 1998 г.

Божественная литургия и панихида в Покровском храме. 6 ноября 1998 г.

вышел Высокопреосвященнейший Владыко Серафим с напрестольным крестом и архиерейским посохом. А за Владыкой выплыли на плечах священников, облачённых также в белоснежные фелони, один за другим гробы с останками архипастырей, и первым – гроб святителя Иннокентия. А потом в длинную колонну выстроились прихожане. Обойдя храм, крестный ход двинулся вверх по улице Чкалова. При пересечении её с улицей Калинина стражи дорожной службы перекрыли движение автотранспорта, пока торжественная процессия не пересекла этот оживлённый перекрёсток. С улицы Чкалова крестный ход повернул на улицу Богданова. Перейдя улицу Лермонтова, на которой тоже останавливали транспорт, колонна прошла мимо того места, где много лет под землёй и битыми камнями бесприютно лежали останки пяти архиереев.

Вот пересечена Советская площадь, и крестный ход – у Архиерейского дома, где давно собралось множество людей, желающих проститься со святителями.

Перед готовым склепом на асфальт был постелен ковёр и орлец для Владыки. Гробы поставили на табуреты. Началась последняя панихида перед захоронением. Её служил архиепископ Пензенский и Кузнецкий Серафим. Со всех сторон площадку перед склепом обступил народ. От волнения никто, наверное, не чувствовал осенней стужи. Некоторые пожилые женщины плакали и вслух молились. Застучали по крышкам гробов молотки... Каждый гроб обвернули в полиэтиленовую плёнку и, бережно передавая с рук на руки, один за другим опустили в склеп. С помощью крана его закрыли бетонными плитами, на которые положили слой плёнки, а затем стали забрасывать землёю.

Крестный ход. 6 ноября 1998 г.

Крестный ход. 6 ноября 1998 г.

Крестный ход. 6 ноября 1998 г.

Панихида у Архиерейского дома. 6 ноября 1998 г.

Панихида у Архиерейского дома. 6 ноября 1998 г.

Погребение архиерейских останков. 6 ноября 1998 г.

Над склепом водрузили большой осьмиконечный деревянный крест. К нему прикреплена табличка с надписью: “Здесь погребены останки Пензенских Преосвященных Архипастырей: епископа Иннокентия – 1819 г., епископа Афанасия – 1811–1819 гг., епископа Амвросия – 1835–1854 гг., епископа Григория – 1868–1881 гг., епископа Антония – 1881–1889 гг. Вечная вам память!”

И удивительное дело: вновь ставшая просторной комната совсем не казалась опустевшей. Словно они ещё пребывали в ней. Остались подсвечник с лампадой, аналой с иконой, а главное – большой живописный портрет епископа Иннокентия и перед ним лампада с подставочкой для ладана. Каждое утро мы

Портрет епископа Иннокентия

*Крест на могиле архипастырей.
6 ноября 1998 г.*

зажигали лампадки у аналоя и перед портретом святителя, а в подставочку клали кусочки ладана, и через две минуты комната наполнялась благоуханием. А прекрасные, проникновенные глаза Иннокентия с затаённой спокойной улыбкой смотрели вдаль, немного мимо нас, и всё же на нас, через два века заглядывая в наши души. Так мы продолжали ощущать нисколько не утраченное присутствие всех пяти архипастырей. Да они и были рядом! Приходя по утрам в Архиерейский дом и уходя по вечерам с работы, каждый из нас подходил к склепу, крестился, кланялся, приветствуя архипастырей в день наступающий или прощаясь до завтра. Они и продолжали оставаться с нами.

Ещё одна удивительная деталь. Через два дня после перезахоронения архиереев погода резко изменилась. Пошёл густой, обильный снег, всё вокруг покрылось белой пеленой. В ноябре пришла настоящая зима. Нашей

святой обязанностью стало каждое утро очищать от снега не только территорию, но и прежде всего склеп, чтобы он не превращался в снежный холм. Строго поддерживая чистоту, мы добились того, что и глубокой зимой (а она выдалась на редкость многоснежной) дорожки вокруг склепа были вычищены чуть ли не до асфальта, всегда блестел бордюр склепа, облицованный оцинкованным железом. Отец Владимир ревностно следил за чистотой лично и перед склепом не просто крестился, а клал земные поклоны... Что было бы, благослови Владыка день перезахоронения не на шестое, а, скажем, на десятое ноября? Десятого было уже морозно, лёг снег. Но Господь – управил!..

Теперь о главном, что последовало за актом торжественного и достойного перезахоронения епископов Пензенских. В память о том, как наши благочестивые предки-земляки свято и любовно чтители прах погребённых под алтарём Спасского собора архипастырей, было решено каждый день служить панихиду по нашим славным иерархам – в молитвенной комнате Архиерейского дома или непосредственно перед склепом, если погода позволяет. Ведь, как свидетельствуют исторические источники (например, журнал “Пензенские епархиальные ведомости” за прошлый век и начало двадцатого), не было дня, чтобы прихожане Спасского кафедрального собора не заказали бы заупокойной литии или панихиды об упокоении особенно чтимого святителя Иннокентия и других четырёх епископов Пензенских. В 1915 году в Пензенской городской думе начали вплотную рассматривать вопрос о ходатайстве перед Святейшим Синодом в Петербурге о канонизации святителя Иннокентия. “Пензенские епархиальные ведомости” за 1915 год повествуют о том, как официально регистрировались истории чудесных исцелений на гробе святителя, рассказанные свидетелями и очевидцами, которые приносили присягу в том, что говорят правду. Все эти истории собирали для представления в Святейший Синод. Но прошло немного времени, и всё в России изменилось. Из истории мы знаем, что произошло. А теперь знаем другое: святые ни не пропадают! Память и вера – не истребимы! Не горят рукописи, не иссякают в человеческом сердце любовь и тяга к высокому, святому. Святитель Иннокентий – с нами, его именем названа Православная гимназия, документы давних лет не утрачены. Надежда на успешное доведение до конца дела, начатого в 1915 году в нашем городе, – реальна и осуществима. Но – только с помощью Божией, только по Его неисповедимой милости. Значит, теперь наша задача – усердно, с верой и надеждой молиться Ему о том, чтобы имя любимого нашим народом архипастыря засияло в сонме святых имён Русской Православной Церкви. А что, как не постоянное, совместное моление споспешествует этому? Вот для чего нужно как можно чаще служить панихиды.

С первых дней после перезахоронения архипастырей панихиды о упокоении их в Божьих обителях стали ежедневными в Архиерейском доме. Служили настоятель церкви Петра и Павла Владимир Ключев и священник Сергей Логинов, а священник Пензенского Троицкого женского монастыря Валерий Штейлен служил всегда перед склепом, невзирая на мороз и снегопад. Нередко мы видели, приходя утром, положенные чьими-то заботливыми руками на склеп живые цветы или сосновые веточки. Люди, проходя мимо, останавливались, читали имена архипастырей, осеняли себя крестным знаменем.

Работы по восстановлению Архиерейского дома шли своим чередом. В первых числах марта на стене, противоположной той, на которой находятся изображения апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного, были обнаружены новые (для нас – новые, а вообще – такие же старинные) росписи: изображения апостолов Симона (Зилота) с большой двуручной пилой в руках и Павла с мечом, коим, как известно, этот первоверховный апостол был усечён, приняв мученическую смерть за учение Христово. А в центре большой стены, между двумя дверями, отмыли огромное полотно до потолка. В центре его на воздухе живописец изобразил Спасителя, над Ним – ангелов, несущих знамение Христово – крест. Самый “видный” участок этой большой росписи, к сожалению, утрачен: заштукатурена часть стены, где, вероятно, стояла печь. И всё же большим утешением явилась эта новая находка, когда помаленьку начали иссякать силы от долгой снежной зимы. И тем чудеснее представилась она после того, как отец Владимир побывал на Святой Земле: его поездка продолжалась с первого по пятнадцатое февраля плюс дни в пути. А у нас в Архиерейском доме в это время, откуда ни возьмись, появилась большая яркокрылая бабочка. Она летала по промерзшему коридору, а потом приютилась на подоконнике молитвенной комнаты. Неизвестно, чем питалась, чем жила крохотная тварь Божия, но только дожила до приезда отца Владимира...

Так продолжается жизнь с её радостным разнообразием хоть маленьких, но настоящих чудес.

Апостолы Симон Зилот (Кананит) и Павел

Спаситель

Пророки Елисей, Даниил, Аввакум и Нафан

Но, возвращаясь к событиям 6 ноября, я не могу обойти вниманием ещё одно чудесное совпадение. В день перезахоронения, двумя часами позже этого акта, в Пензенском областном краеведческом музее открылась выставка под названием “Мир старых улиц”. Устроители её совсем не договаривались с нами приурочить её открытие к этому дню, но о перезахоронении архиереев знали. Уместным будет отметить, какое живое участие и заинтересованность в поиске останков и затем в последующих наших делах проявила директор краеведческого музея Анна Николаевна Батова. Она неоднократно бывала на месте раскопок, затем в Архиерейском доме, осматривая находки. И вот – выставка. Замечательная многими уникальными экспонатами, самым впечатляющим из которых для нас, безусловно, явился грандиозный макет Спасского кафедрального собора. В день всеобщего покаяния пензенцев он зримо восстал из пепла. О, это было настоящее, большое утешение после слёз прощания с архипастырями. На старых фотографиях выставки можно было также увидеть и другие храмы Пензы, стёртые с лица земли в советское время. Экспонировались предметы церковной утвари, самовары, коробочки, бутылочки, веера, кружева, мебель, – словом, предметы быта и обихода давно ушедших лет. Все предметы превосходно сохранились...

Совпадение не было случайным. Оно произошло также по Божьему Промыслу. Воссоздание погнутых святынь хотя бы в макетах и старых фотографиях – это ли не такой же акт покаяния?..

Отец Владимир Ключев и А. Н. Батова на фоне макета Спасского кафедрального собора. 19 декабря 2002 г.

На каждой воскресной Божественной литургии настоятель молитвенного дома святых первоверховных апостолов Петра и Павла священник Владимир Ключев, молясь в алтаре о упокоении усопших, непременно произносит и имена епископов Пензенских Иннокентия, Афанасия, Амвросия, Григория и Антония. У отца Владимира за время от начала поиска до его завершения произошло немало значительных событий в пастырской и просто человеческой жизни. Он побывал в Киево-Печерской Лавре, был награжден золотым наперсным крестом за вклад в строительство и восстановление православных храмов Пензы и области. А ещё – узнал, что дед его был священником...

Наполненно и ярко были прожиты несколько месяцев – лето и осень. Я никогда не забуду этих дней. Может быть, те события для меня и всех, кто был рядом, – самые важные в жизни. Земной и будущей. Будущая сокрыта от нас. Ну, а земная – продолжает писать свою чудесную повесть.

С 1 по 3 октября 1999 года в Пензе и области состоялись торжества, посвящённые 200-летию образования Пензенской епархии, которые почтил своим вниманием Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II

1 октября в ходе своего первосвятительского визита он совершил молебен в Митрофановском храме перед чудотворной Казанской иконой Божией Матери, посетил строящееся здание епархиального управления и присутствовал на торжественном вечере в областном драматическом театре.

2 октября возглавил Божественную литургию в Успенском кафедральном соборе, совершил заупокойную литию на могиле архиепископа Феодосия (Погорского), погребённого у алтаря собора, после чего проследовал в новоустроенный в Пензенском артиллерийском инженерном институте храм во имя святого благоверного князя Александра Невского.

Следующим пунктом пребывания Святейшего Патриарха на Пензенской земле стала Советская площадь – место, где раньше стоял главный храм епархии – Спасский кафедральный собор. В августе – сентябре 1998 года здесь были извлечены из-под спуда земли останки пяти пензенских архиереев, захороненных в приделе кафедрального собора. Теперь на этом месте стоял фундамент будущей часовни в честь Всемилостивого Спаса, памятную доску в основание которой и предстояло заложить Патриарху Московскому и всея Руси Алексею.

Обращаясь к собравшимся, Предстоятель Русской Православной Церкви сказал:

«Ваше Высокопреосвященство, Владыка архиепископ Серафим, Ваше Превосходительство, господин губернатор Василий Кузьмич, многоуважаемый мэр города Александр Серафимович, собратие архипастырей, всечестные отцы, дорогие братья и сестры. Сегодня мы возвращаем и на это место историческую память, освящая закладку часовни там, где был кафедральный собор в честь Всемилостивого Спаса, который был варварски разрушен в 1934 году. Созданием этой часовни мы оставляем в памяти потомков то место, где был храм, где был кафедральный соборный храм, где жители Пензы приходили на богослужения и где архипастыри совершали своё служение Богу, Святой Церкви, народу земли нашей и ближним, православным верующим, которые собирались здесь на общую церковную молитву. Да, надо обозначить те места, где стояли православные храмы. Это наш долг. Эту работу мы начали в первопрестольном нашем граде Москве, и мы рады, что эта практика распространяется и в епархии российские и что здесь в городе Пензе будет часовня в память того соборного кафедрального храма, который был украшением города и который осуществлял на протяжении многих десятилетий своего бытия духовное окормление православных верующих жителей этого города. И в грядущие годы люди будут приходить в эту часовню, молиться Всемилостивому Спасу, вспоминая ту трагедию, которая постигла кафедральный собор, его разрушение; помолиться, чтобы Господь и Всемилостивый Спас не допустил бы повторение тех трагических событий, свидетелями которых было старшее поколение наше,

когда разрушали святыни, разрушали храмы Божии, поругали их, оскверняли, постарались изжить их из памяти народной. Но память народная хранит свою историю, и в наши десятилетия историческая память возвращается в нашу жизнь, и мы помним о тех трагических событиях, которые пришлось пережить нам, о тех разрушениях, о тех потерях, которые мы пережили и чего мы лишились, и вот создаваемая часовня будет напоминать нам о соборном кафедральном храме, который стоял здесь, на этом месте, и в память которого сооружена эта часовня.

Я передаю сегодня для строящейся часовни икону Спасителя с нашим патриаршим благословением, чтобы Господь благословил сооружение этой часовни, благословил бы её делателей, благословил бы тех, которые хотят вернуть историческую память в нашу жизнь, память о святынях, память о храмах Божиих, варварски разрушенных. И пусть Господь Спаситель помогает нам, никогда не забывая о трагическом прошлом, не повторять ни сегодня, ни в грядущие десятилетия ошибок и трагедий прошлого».

Затем по Советской площади, мимо памятника Карлу Марксу, поставленному на святая святых – на месте взорванного кафедрального собора, Патриарх проследовал к бывшему Архиерейскому дому – месту пребывания всех 18 пензенских архипастырей, возглавлявших Пензенскую епархию до революции, и на могиле пяти пензенских архиереев совершил краткую заупокойную литию, вспомнив поимённо тех, кто в былые годы нёс своё святительское служение в Спасском кафедральном соборе: епископов Иннокентия (Смирнова, †1819), Афанасия (Корчанова, †1825), Амвросия 2-го (Морева, †1854), Григория (Медиоланского, †1881) и Антония 2-го (Николаевского, †1889).

Дав высокую оценку проделанной в нашей епархии акции по разысканию и перезахоронению останков пензенских архиереев, Первоиерарх Русской Православной Церкви подчеркнул, что это не только восстановление исторической справедливости, но и акт покаяния за наших предков, непосредственно повинных в надругательствах над могилами преосвященных.

Отсюда Святейший Патриарх направился в Пензенскую картинную галерею имени К. А. Савицкого, где ознакомился с юбилейной выставкой и на пресс-конференции ответил на вопросы работников средств массовой информации.

После окончания пресс-конференции Патриарх Московский и всея Руси Алексей II посетил дом-музей В. О. Ключевского. А в заключение второго дня своего пребывания в Пензе Первосвяtitель осмотрел строящийся Петропавловский храм в Арбеково, где его настоятель священник Владимир Ключев рассказал о ходе возведения этого, самого большого в Пензе, храма.

3 октября Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в Покровском храме, из которого направился в Троицкий женский монастырь г. Пензы. В тот же день Предстоятель Русской Православной Церкви посетил Лермонтовский музей-заповедник "Тарханы" и из села Лермонтово на вертолёт вылетел в Наровчатский район, приземлившись около отреставрированного Троицкого Сканова женского монастыря, где в Успенском приделе Троицкого собора совершил молебен перед чтимой Трубчевской иконой Божией Матери.

В 16 часов 45 минут он распрощался с гостеприимной Пензенской землёй.

23 октября 1999 года

По случаю 180-летия со дня кончины пензенского святителя епископа Иннокентия (Смирнова), останки которого почивали в склепе близ Архиерейского дома, состоялись две панихиды.

Первую из них совершил секретарь епархиального управления настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Сергей Лоскутов. На панихиде присутствовали учащиеся Пензенской православной гимназии.

Вторую панихиду, несколько позже, совершил настоятель Петропавловского молитвенного дома, организатор раскопок пензенских архипастырей, священник Владимир Ключев, отметивший день памяти епископа Иннокентия ещё двумя краткими литиями – в бывшей крестовой церкви Архиерейского дома и на месте обретения его останков – на фундаменте часовни, заложенной на месте раскопок, которую 2 октября 1999 года освятил своим присутствием и молебном Святейший Патриарх Алексий II во время своего визита в Пензу по случаю 200-летия Пензенской епархии.

Это потом, после прославления епископа Иннокентия в лике святых, дни его памяти будут отмечаться многочисленными торжественными богослужениями с приглашением иногородних архиереев, а в этот пасмурный день у его могилы собралось всего несколько человек, решивших отдать дань памяти почившему 180 лет назад пензенскому святителю.

22 октября 2000 года

14 августа 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви был причислен к лику святых епископ Пензенский Иннокентий (Смирнов, 1784–1819), прах которого был обретен в 1998 году на месте взорванного Спасского кафедрального собора и по благословию архиепископа Пензенского и Кузнецкого Серафима (Тихонова, † 3.07.2000) перезахоронен у Архиерейского дома вместе с честными останками ещё четырёх архиереев. День памяти новопрославленному святому Собором было определено праздновать 10 (23-го по новому стилю) октября, в годовщину его смерти.

И вот, за два дня до назначенного срока вскрыли склеп, в котором покоились мощи святителя Иннокентия, достали гроб, выполненный из красного дерева, и перенесли его в здание духовного училища на Советской площади. Несмотря на то, что гроб был обернут в полиэтиленовую плёнку, он всё же отсырел, отсырела и митра, и архиерейское облачение, и сами останки, так что их пришлось сушить перед тем, как вновь уложить в гроб.

На следующий день, 22 октября, гроб с мощами святителя Иннокентия установили перед Архиерейским домом, на его могиле. Епископ Саранский и Мордовский Варсонофий (Судаков), временно управляющий Пензенской епархией, совершил краткий молебен, после чего священнослужители подняли гроб на плечи, и крестный ход двинулся к Успенскому кафедральному собору, где первому пензенскому святому предстояло обрести своё постоянное местопребывание.

Крестный ход с мощами святителя Иннокентия, возглавляемый епископом Варсонофием, в сопровождении многочисленного духовенства и монашествующих, а также полутора-двух тысяч верующих прошествовал по улице Московской, свернул на улицу Кураева и вскоре вступил на Мироносицкое кладбище. В Успенском кафедральном соборе святые мощи были вынуты из гроба и положены в заблаговременно доставленную из Софрино раку, после чего епископ Варсонофий совершил всенощное бдение с чином прославления, за которым освятил икону первого пензенского святого епископа Иннокентия, написанную местным иконописцем Сергеем Худяковым, затем помазал всех присутствующих елеем, дав возможность каждому приложиться к святым мощам, которые, наконец-то, обрели достойное место после стольких лет поругания.

23 октября 2000 года

На следующий день состоялось главное торжество по случаю прославления святителя Иннокентия. Божественную литургию совершил архиепископ Ульяновский и Мелекесский Прокл (Хазов) в сослужении епископа Саранского и Мордовского Варсонофия и пензенского духовенства. Епископ Варсонофий зачитал определение Юбилейного Архиерейского Собора о прославлении в лике общецерковных святых святителя Иннокентия Пензенского и поздравил присутствующих с великим днём в жизни Пензенской епархии – обретением первого своего святого.

Настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Сергей Лоскутов зачитал послание Преосвященнейшего Варсонофия, адресованное священнослужителям, монашествующим и всем верным чадам Пензенской епархии по случаю канонизации святителя Иннокентия, Пензенского Чудотворца.

Наступает кульминационный момент: священнослужители поднимают раку со святыми мощами на плечи и обносят её вокруг храма. Шествие проходит мимо могилы архиепископа Серафима, по благословию которого в 1998 году были обретены останки святителя Иннокентия. Рака вносится в собор и устанавливается на отведённом ей месте, где уже горят лампы и стоят букеты цветов. Новой святыне поклоняются сначала архипастыри, затем мэр города, пензенское духовенство, верующие.

Восстановленный Спасский кафедральный собор. 2020 г.

Так это всё начиналось...

**К 20-летию прославления
святителя Иннокентия Пензенского**

Фотографии Александра Дворжанского
Оригинал-макет Александра Дворжанского,
в оформлении страниц использована дизайнерская наработка
Марины Котляровой

ISBN 978-5-901445-17-4

Отпечатано в ООО «Артмастер»
г. Пенза, ул. Гагарина, 11а. Тел. (8412) 45-05-60
Тираж 500 экз.